

Ученые записки

**ГЕРМАНИЯ
И
ПРИБАЛТИКА**

II

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра всеобщей истории

Ученые записки

Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки

том I 85

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА

II

Редакционно-издательский отдел ЛГУ имени Петра Стучки

Рига 1973

Данный выпуск ученых записок кафедры всеобщей истории продолжает начатое в 1972 году издание сборников статей по проблемам истории Германии и Прибалтики.

В течение семи веков - вплоть до Октябрьской революции - на территории Латвии и Эстонии господствовало прибалтийско-немецкое дворянство. Несколько раз в истории Прибалтика служила немецким захватчикам трамплином для дальнейшей восточной экспансии. В то же время прогрессивные силы немецкого народа оказали положительное влияние на развитие народов Прибалтики.

Работы, публикуемые в этом выпуске ученых записок, являются частью исследований, над которыми работали авторы, участвующие в данном сборнике. Поэтому каждая из статей охватывает лишь отдельные стороны исследуемых ими проблем.

200023650

Г 0-I-6-3-073y 406-73
М 812(II)-73

© Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. П. Стучки, 1973 г.

П. КРУПНИКОВ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЙ
ДВОРЯНСКО-БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА В ПРИБАЛТИКЕ
/ 1907 - 1939 /

В первые же недели 1905 года революционные события в южных уездах Лифляндской губернии¹ и в Курляндии получили в германской и местной прибалтийско-немецкой печати название "Латышская революция" ("Lettische Revolution"). В силу того, что народное движение в Прибалтике в первую очередь ударяло по позициям немецкого дворянства и буржуазии прибалтийская немецкая и германская печать в течение всей революции уделяли исключительно большое внимание революционным событиям в Латвии, а также в Эстонии. Между германскими социал-демократическими и буржуазными газетами и журналами разгорелась острая полемика по вопросам "латышской революции".² По сути дела революционные события в Латвии /и Эстонии/, политика царизма в Прибалтике, прошлое, настоящее и будущее прибалтийско-немецкого дворянства, причины и характер революции - стали в 1905 году не только одной из ведущих тем значительной части германской прессы, но также предметом продолжительных споров и обсуждений в правительственных и придворных кругах.³

Дискуссия, вызванная в политической жизни Германии революционными событиями в Прибалтике, является еще одним примером, подтверждающим слова В. И. Ленина об особенно сложных

1 В состав Лифляндской губернии входили 8 уездов - 4 южных, латышских и 4 северных, эстонских.

2 Позиция различных направлений германской печати и содержание ряда злободневных публикаций, посвященных революционным событиям в Латвии /книга "Lettische Revolution" и др./ показаны в статье П. Крупникова *Par kñdu svarīgu politiskā cīņas periodu, Kareģā, 1972, Nr. 3, 137 - 148. lpp.*

3 См.: K. Meyer, *Theodor Sciemann als politischer Publizist. Frankfurt a. Main, 1956.*

условиях революции 1905 года в России: "У русской революции есть великий международный союзник ... в Европе ... но вместе с тем и именно вследствие этого у нее есть не только национальный, не только российский, но и международный враг".¹

Первая мировая война и постепенная оккупация кайзеровскими войсками всей Прибалтики, февральская и Октябрьская революции в России, сложная политическая борьба в Латвии в 1918 и 1919 годах, буржуазная аграрная реформа, политическая подготовка нового "дранг нах остен" в 30-е годы - все это каждый раз в большей или меньшей мере вызывало в немецкой исторической и политической литературе новые попытки осветить или - большей частью - затемнить историю 1905 года в Латвии.

В результате постепенно накопился значительный прибалтийско-немецкий и германский историографический материал по революции 1905 года в остзейских губерниях России. Анализ отдельных проблем мы находим в работах Я. Зутиса² и А. Вирона³. Однако ряд проблем, связанных с немецкой историографией, и некоторые работы еще недостаточно освещены. В частности, известный интерес представляет периодизация немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 г. в Прибалтике, выявление того, как в тот или иной период ставились акценты, под каким углом зрения рассматривались события первой русской революции в Латвии, а также в Эстонии.

х х х

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. 15, стр. 165.

² Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Часть 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

³ A. Virons. Baltvācu un latviešu buržuāziskā historiogrāfija par 1905.-1907.g. revolūciju Latvijā. LPSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1968, Nr. 9.

Послереволуционный период характеризовался значительным - по сравнению с положением до 1905 года - оживлением общественной жизни. Как во всей России, так и в Прибалтике, одной из главных, животрепещущих проблем социальной жизни правящих кругов был вопрос о необходимости считаться с социально-экономическими изменениями, с "духом времени". Насколько нужны уступки, изменения, реформы, насколько удастся сохранить старые позиции - вот главная тема российской, в том числе прибалтийской дворянской и буржуазной публицистики. К тому же в Прибалтике это сопровождалось размышлениями о возможности привлечения - на подчиненном положении - к антиреволюционной деятельности представителей консервативного круга латышской и эстонской буржуазии.

В Прибалтике в этот период весь круг названных проблем оживленно дискутируется в местной немецкой, русской и латышской печати. Несомненно, цензурные условия налагали известные ограничения на откровенность высказываний, однако в целом позиции сторон, в особенности немецких привилегированных сословий, выражены весьма определенно. При этом большинство авторов более или менее откровенно отталкивалось от недавних революционных событий и пыталось оценить возможность /или невозможность/ их повторения. Даже если в отдельных публикациях 1905 год и не упоминался, то все же речь в основном шла о поднятых революцией проблемах.

Известный прибалтийско-немецкий общественный деятель барон Ф. Врангель, б. директор императорского Александровского лицея, член конференции Николаевской морской академии в Петербурге - другими словами - человек, известный в кругах российской столицы, издал вскоре после подавления революции на русском и немецком языках брошюру, в которой пытался объяснить русскому читателю позицию правящих немецких кругов Прибалтики¹. Описание и характеристика

¹ F. Wrangell. Die Baltische Frage in persönlicher Beleuchtung. Reval, 1907. Ф.Ф. Врангель. Остзейский вопрос в личном освещении. СПб., 1907.

событий 1905 года не блещет оригинальностью и повторяет избитые контрреволюционные утверждения Астафа фон Транзе-Розенка и других столпов реакционной публицистики, в частности, тезис об яростном антинемецком шовинизме латышских и эстонских революционеров и народных масс. Оригинален Врангель в одном: обращаясь к русскому читателю, он рассматривает прибалтийский вопрос под углом зрения возможной /по мнению автора - невозможной/ войны России и Германии и попытки Германии захватить Прибалтику.

Интересна брошюра тем, что Врангель в заключение излагает платформу значительной части немецких дворян и буржуазии в послереволюционный период. Эти круги требовали признания немецкого языка "местным языком", сохранения права собственности /читай - дворянского землевладения/, и признания принципа, что существующее "историческое право" не может быть изменено без настоящей необходимости /читай - требование сохранения дворянской автономии прибалтийских губерний/. Они стояли за организацию местного самоуправления по принципу того, что "политические права граждан должны находиться в известном соответствии их культурным и имущественным интересам" - другими словами за признание "имущественного и образовательного ценза" /читай - сохранение полновластия немецких привилегированных сословий с ограниченным допущением к участию в управлении представителей буржуазии других национальностей/.

Остальные требования - право местных учреждений принимать документы на немецком языке, объединение прибалтийских губерний в отдельную административную единицу и создание провинциального совета и высшего судебного органа - были повторением старых пожеланий остзейцев. Такая программа не могла удовлетворить даже латышскую и эстонскую буржуазию, не говоря о народных массах.

Существовали, однако, и более решительные взгляды. Влиятельная часть правящих кругов видела единственный выход в немецкой колонизации края и объединении немецкого

меньшинства под знаменем шовинизма и реакции¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что первые после-революционные годы не внесли существенных изменений в подход немецких консерваторов к революции 1905 года. Кроме того, кровавое подавление революции ликвидировало шероховатости, существовавшие во взаимоотношениях остзейцев с русскими правящими реакционными сферами. Сплочение вокруг престола стало лозунгом дня. Прибалтийские немцы в 1910 году торжественно отметили 200-летие присоединения Риги, Лифляндии и Эстляндии к Российской империи, а в 1913 году верноподданнически праздновали 300-летие дома Романовых. Где уж тут было думать об уступках латышской и эстонской буржуазии! Не удивительно, что латышские и эстонские буржуазные политики тогда и впоследствии часто жаловались на то, что немецкая верхушка отказывалась идти им навстречу, не способствовала сплочению имущих классов всех национальностей против подавленной, но вновь набравшей силы революции.

х х х

В годы первой мировой войны Прибалтика снова становится одной из важных тем германской печати, серьезной проблемой политики Берлина. Еще до оккупации Курляндии Прибалтика фигурирует в различных секретных меморандумах о целях войны. После оккупации Курляндии летом 1915 года линия фронта на два года от Слоки до Даугавпилса разрезала Латвию на две части - оккупированную и неоккупированную. Большая часть германских газет публикует статьи о

¹ См. И.К.Апине, П.Я.Крупников. Новое в политике прибалтийского дворянства после революции 1905-1907гг. Ученые записки ЛГУ им.Петра Стучки, т. 159. "Германия и Прибалтика". Рига, 1972, стр. 75 - 102.

Курляндии. Многие редакции присылают в Курляндию специальных корреспондентов. Появляется множество брошюр и немало книг о Прибалтике. В 1917 году кайзеровские войска захватывают Ригу, в феврале 1918 года - Северную Латвию и Эстонию. Это еще больше усиливает интерес к Прибалтике, к ее прошлому и настоящему.

Ознакомление с этой весьма обширной - в основном консервативного направления - литературой показывает, что вопросы революции 1905 года освещаются зачастую в ином ракурсе, нежели это делалось ранее. Большинство публикаций не содержит резко шовинистических антилатышских, а также антиэстонских высказываний, столь характерных для предыдущих правых немецких публикаций о революции. Обычно также отсутствуют утверждения о якобы "яростном антигерманизме латышей и эстонцев".

Стоит это проиллюстрировать не на примере многочисленных газетных статей или небольших брошюр, выпущенных отдельными менее известными авторами, а на примере публикации, которая была плодом творчества большой группы известных своей реакционностью авторов. Речь идет о двухтомнике, который был издан под руководством известного пангерманиста Д. Шейера¹.

Раздел о Прибалтике написан известным прибалтийско-немецким дворянским общественным деятелем Куртом Штаффенхагеном, архивариусом Курляндского дворянства. Вот как он во время войны преподносит немецкому читателю этот вопрос: "... в 1905 году в связи и в результате русской революции в латышской части прибалтийской окраины (Baltenmark) вспыхнула революция против царизма и его правительственной системы. Немцы, будучи убежденными в бесперспективности революции, поддержали правительство. Они пострадали / от революции - П.К. / также, как латыш-

¹ Der Krieg 1914 - 1917. Unter Leitung von Prof. D. Schaefer. I-II, Berlin, 1917.

ские консервативные земледельцы, однако не так тяжело, как последние".

Куда же делись утверждения периода революции и последующих лет о том, что в революции виноваты младолатыши и латышская интеллигенция, декларации о том, что революция направлена не против помещиков, а является восстанием против всего немецкого?

Возьмем другую популярную публикацию того времени - книгу о латышах известного "специалиста" по Прибалтике, деятельного публициста, видного остфоршера, действовавшего при кайзере, в Веймарской республике, при Гитлере и недавно закончившего свою деятельность в ФРГ - Макса Гильберта Бэма¹. Резко нападая на народное движение, он также сообщает, что против революции боролись и от рук революционеров пострадало много "серых баронов" /зажиточных крестьян /. Количество латышских жертв революции значительно превысило число немецких жертв.

В популярной книге Мейснера о Курляндии² резко осуждается деятельность карательных экспедиций.

Можно назвать множество подобных публикаций. Именно реакционные и консервативные авторы зачастую избегали старых нападок на народы Прибалтики и подчеркивали социальный, классовый характер революционного движения, не повторяли прежних утверждений своих единомышленников о якобы чисто национальном /или националистическом/ характере революционного движения латышских и эстонских народных масс.

Как ни странно, такая позиция правых /в том числе - крайние правых/ публицистов и историков объясняется имен-

¹ Max Boehm. Die Letten. Kurland in der Vergangenheit und Gegenwart, Band 4. Berlin, 1917.

² Carl Meissner. Das schoene Kurland. Ein deutsches Land. Muenchen, 1917.

но их аннексионистской, шовинистической программой в годы первой мировой войны.

За редкими исключениями почти все профессиональные университетские историки Германии поддерживали и пропагандировали программу аннексий, выдвинутую кругами промышленников и крупных аграриев¹.

Аннексия /в той или иной форме/ Курляндии, а также остальных губерний Прибалтики была одним из важнейших пунктов почти всех вариантов захватнических планов, выдвинутых отдельными группами сторонников экспансии. Однако в широких кругах населения, в том числе в известной части правящих классов Германии высказывались опасения, что включение в состав Германской империи большого района с немецкими /более того, враждебным немцам / населением еще больше осложнит внутривластическую жизнь Германии. Немало хлопот доставляла правительству проблема французов в Эльзасе и Лотарингии, датчан в Шлезвиг - Гольштейнии, поляков в Познани. Кроме того, у всех перед глазами был пример Австро-Венгрии, десятилетиями не выходящей из состояния кризиса, одной из причин которого был ее пестрый национальный состав.

Пропагандисты аннексии Прибалтики в этих условиях меняют фронт. Теперь они видят свою задачу в подборе доказательств миролюбивых добрососедских отношений прибалтийских немцев с руководимыми ими латышами и эстонцами. Упомянутый М.Г. Бэм и с ним многие другие пространно доказывают, что латыши не настроены антинемецки. Антинемецкую политику Петербурга поддерживает только латышские чиновники, состоящие на царской службе. Так как они бежали вместе с правительственными учреждениями при

¹ См. Fritz Klein. Die deutschen Historiker im ersten Weltkrieg. - Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft, Bd. II. Berlin, 1965, S. 227-248.

приближении немецких войск, то теперь из Курляндии фактически исчез антинемецкий элемент и оставшееся население охотно примет подчинение Германии¹.

В тех случаях, когда в различных публикациях и утверждается, что в 1905 году в Прибалтике проявилась ненависть к "немечеству" (Deutschum), то такой тезис сразу сопровождается замечанием, что такая ненависть возникла главным образом в результате коварной политики царского правительства и шовинистических кругов Петербурга и Москвы и быстро исчезает в случае присоединения Прибалтики к Германии.

Такая трактовка событий - "антицарская" вплоть до антирусской - вполне вписывалась в общую линию германской пропаганды в 1914 - 1918 гг. "Антицарская" направленность, в частности, давала возможность получить поддержку социал-демократов, способствовала сохранению Burgfrieden /гражданского мира /.

х х
х

Первое послевоенное пятнадцатилетие /от поражения Германии до прихода Гитлера к власти/ является специфическим периодом в эволюции немецкой дворянско-буржуазной историографии 1905 года в Прибалтике. Этот период характеризуется двумя моментами. Это, во-первых, поражение Германии, крах империалистических, аннексионистских планов, Ноябрьская революция и образование Веймарской республики. Это, во-вторых, провал в 1918-1919 гг. попыток сохранить прибалтийско-немецкие и германские позиции в Латвии /переворот А.Ниедре в апреле 1919 года, поражение под Цесисом в июне 1919 года, изгнание банд Бермонта-Авалова из Латвии в конце 1919 года/. Образование буржуазных республик Латвии и Эстонии, анти-

¹ Мах Воешт. Op. cit., S. 84.

феодалные мероприятия эстонской и латышской буржуазии /в первую очередь - аграрная реформа/ значительно подорвали политические и экономические позиции немецкой верхушки в Прибалтике. Прибалтийско-немецкие историки, работавшие в прибалтийских государствах, вынуждены были считаться с взглядами правящей буржуазии. При этом следует учесть, что не только руководители влиятельных социал-демократических партий Эстонии и Латвии, но и многие буржуазные деятели были в 1905 году активными участниками буржуазно-демократической революции. /В этих условиях ряд прибалтийско-немецких историков и публицистов /Тобин, Допкевич и др./ предпочитает публиковать свои работы в Германии./

Среди различных послевоенных публикаций, в которых уделяется внимание 1905 году, известный интерес представляет точка зрения А. Виннига. Этот известный германский социал-демократ и профсоюзный деятель, в годы войны активный социал-шовинист, в 1918-1919 годах был видным проводником германской политики в Прибалтике. Впоследствии он все больше эволюционировал вправо, поддержал капповский путч и мог без препятствий публиковаться при Гитлере.

В своих воспоминаниях¹, в которых рассматривается заключительный этап германской "восточной политики", Винниг критикует прибалтийско-немецких дворян и буржуазию за их национальную и социальную политику. "Из среды латышского батрацкого народа выдвинулся очень активный в торгово-промышленном отношении верхушечный слой, из которого вышла буржуазная интеллигенция". Ошибка прибалтийско-немецкой верхушки заключалась в "игнорировании, вернее говоря, в отрицании этого факта".

"После периода национального пробуждения коренное население не могло примириться с существующими порядками". "Невозможно было более сохранять нетронутыми завоеванные

¹ August Winnig. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Berlin, 1921.

силой господствующим позиции правящей прослойки, составлявшей менее 10% населения". Несмотря на эти социальные и духовные изменения прибалтийские немцы вместо учета "требований момента" и переосмысливания существующего еще надеялись сохранить свои позиции. Придерживаясь взглядов закоренелого реакционера Транзе-Розенка, Винниг также утверждает, что особенностью революции в Латвийском крае являлось то обстоятельство, что она была результатом анти-немецкой травли, развязанной агентами царизма. Винниг признает, что участие немцев в кровавом подавлении революции вызвало понятную ненависть латвийского населения. Напомним, что Винниг /тогда еще социал-демократ/ всячески пытался сохранить в Прибалтике позиции немецкого дворянства и сожалел, что ему это не удалось сделать.

В брошюре В. Вульфуса¹, вышедшей в период борьбы немецких дворян против буржуазной аграрной реформы, 1905 году уделено сравнительно много места. Автор утверждает, что немецкие бароны приняли активное участие в деятельности карательных экспедиций "не ради мести, не для того чтобы подавление проводилось с большей строгостью. Их целью было предотвращение ненужной жестокости". В остальном брошюра посвящена восхвалению аграрных отношений в Прибалтике и попыткам доказательства ненужности буржуазной аграрной реформы.

В 1927 году вышла работа Г. Дреуса "Латвийская революция и прибалтийское немецчество"². Эта публикация представляла собой попытку в какой-то мере осмыслить развитие последних десятилетий от начала "национального пробуждения до буржуазной аграрной реформы и других мероприятий, подорвавших позиции немецкого дворянства в Латвии.

Дреус считает, что предпосылки 1905 года начали создаваться в тот момент, когда "латыш перестал видеть в

¹ W. Wulfius. Lettland. Riga, 1925.

² Hans Drews. Die lettische Revolution und das Baltentum. Riga, 1927.

существующем строе угодный богу порядок, при котором ему суждено быть только батраком". Тогда Прибалтика, "фактически бывшая аристократической республикой под верховным управлением России", начала терять свой старый характер. В отличие от ряда других авторов, признавших тесную связь "латышской революции" с общероссийским революционным движением, Древе это отрицает: "С Россией не было ничего общего... Революционное движение развилось лишь на местной почве... Революция /в Прибалтике - П.К./ имела свой особый смысл, причины и цели"¹. Такая постановка весьма характерна: с одной стороны, это продолжение старой, усилившейся в годы войны тенденции противопоставлять "немецкие остзейские провинции" России; с другой стороны, Древе в известной мере подыгрывал латышской буржуазной пропаганде, которая после 1918 г. выдвинула тезис о "чуждости Прибалтики и России".

Древе сожалеет о том, что местное население "не вросло в управление и в правящие олои так, как это произошло в Финляндии ..." и "ничего не было предпринято для устранения существующих /национальных - П.К. / противоречий".

Наибольшее внимание преддстории 1905 года и самим событиям удел . известный прибалтийско-немецкий дворянский общественный деятель, публицист и историк Александр фон Тобиш. Ряд его апологетических трудов об аграрном строе Прибалтики вышел еще до первой мировой войны. В 1909 году наумела дискуссия Тобиша с молодым либеральным ученым А. Агте.²

В 1920 году при ликвидации лифляндского рыцарства группе дворянских публицистов было дано задание изложить

¹ Hans Drewe. Op. cit., S. 51.

² См. И.К. Аппе, П.Я. Крупников. Op. cit., стр. 83-84.

историю Лифляндского /фактически - прибалтийского немецкого/ дворянства. Результатом этого была большая, двухтомная работа Тобина "Лифляндское рыцарство и его отношения с царизмом и русским национализмом"¹. Характерна сама постановка вопроса в заглавии. В Прибалтике - в особенности после 60-х годов XIX века - действовали три силы - само - державие, немецкое дворянство и латышский и эстонский народы /в которых постепенно усиливалось классовое расслоение/. Тобин называет в заглавии только две стороны. Латышское и эстонское национальное и социальное движение рассматривается Тобиным как производное от петербургской многолетней политики "разделяй и властвуй", которая, якобы, выразилась в натравливании латышей и эстонцев против немецких привилегированных сословий. Конечно, эта точка зрения присуща не только работе Тобина. Утверждение, что "национальное пробуждение" латышей и эстонцев, начавшееся в начале второй половины прошлого века, было "побочным результатом русификаторской политики царизма", проходит красной нитью через публикации большинства немецких публицистов и историков Прибалтики. В связи с этим стоит напомнить, что в конце XVIII века и в XIX веке ряд угнетенных народов Европы - ирландцы, норвежцы, финны, чехи, оловяки, украинцы, хорваты, словены и др. пережили период "национального пробуждения". Естественно, что царизм не имел к этому никакого отношения. Этот процесс возникал на определенной стадии капиталистического развития, когда образовывалась буржуазия угнетенной нации и начиналась борьба против аристократии угнетающей нации. Также обстояло дело в Прибалтике.

Мы не рассматриваем подробнее точку зрения Тобина на революцию 1905 года в Прибалтике по двум причинам. Во-пер-

¹ Alexander von Tobien. Die livlaendische Ritterschaft in ihrer Beziehung zum Zarismus und russischen Nationalismus. Bd. I. Berlin, 1925, Bd. II, Berlin, 1930.

ных, Тобина по основным вопросам в общем придерживается концепции Транзе-Гозенека. Во-вторых, марксистская критика Тобина по вопросам 1905 года дана в вышеупомянутой статье А.К. Бирона.¹ Однако мы считаем необходимым внести одно уточнение в критику работы Тобина. В статье А.К. Бирона правильно подчеркивается сходство взглядов Транзе-Гозенека и Тобина. Но по одному вопросу между их позициями имеется различие. Речь идет об отношении к отдельным латышским политическим деятелям.

Транзе-Гозенек практически вообще не видит в "латышском лагере" политиков, с которыми немецкое дворянство могло бы найти общий язык. Он резко нападает на Ф. Вейнберга, А. Ниедре, А. Берга. Тобин, наоборот, симпатизирует Вейнбергу и терпимо относится к Ниедре и Бергу. Чем объясняется такая разница во взглядах двух дворянских деятелей? Известное значение имеет то обстоятельство, что первый писал по горячим следам событий, второй же - из определенной исторической перспективы двух десятилетий. Но главное заключается в том, что за это время прибалтийско-немецкое дворянство в достаточной мере убедилось в контрреволюционном характере латышской реакционной буржуазии. Это, в частности, относится к А. Ниедре, бывшему в 1919 году руководителем наиреакционнейшего прогерманского правительства, к А. Бергу - министру внутренних дел буржуазной Латвии, ярому антикоммунисту, весьма терпимо относившемуся к немецкому дворянству. Немалое значение имел еще один момент. После радикальных антифеодальных и антикапиталистических мероприятий диктатуры пролетариата в Латвии в 1917 и 1919 годах действия латышской буржуазии могли казаться почти "идиллическими".

Нельзя забыть, что двухтомник Тобина написан после разгрома Германии в первой мировой войне и до прихода Гитлера к власти, в период, когда немецкие "монархисты

¹ А. Birons. Baltvācu un latviešu buržuāziskā historiogrāfija par 1905.-1907. g. revolūciju Latvijā. - LPSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1968, Nr. 9, 15. un 16. lpp.

сердца" временно превратились в "республиканцев разума" (*Vernunftrepublikaner*) и столь охотно рекламировали свою терпимость и миролюбие.

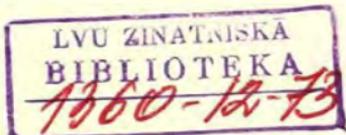
х х
х

В работе прибалтийско-немецкого историка Елены Допкевич, вышедшей в 1936 году в Берлине и посвященной "развитию мысли о создании Латвийского государства"¹ 1905 год рассматривается под углом зрения развития идеи об автономии Латвии. /Автор называет стремление к автономии, Государственности и т.д. "национально-политическими идеалами и требованиями". / Допкевич считает особенностью истории Латвии то обстоятельство, что "национально-политические требования" впервые были выдвинуты частью латышской социал-демократии.

По сути дела, Допкевич была первым немецким автором, которая более или менее тщательно изучила борьбу различных направлений в общественной мысли Латвии в конце прошлого и в начале этого века. "Новое течение", дискуссия между Э. Ролявом и М. Валтером, с одной, и Ф. Розенем - с другой стороны, влияние австро-марксистов Геннера и Бауера на оппортунистические круги социал-демократов Латвии, позиция различных направлений по вопросу автономии Латвии - вот круг вопросов, охваченных работой Допкевич.

Допкевич умалчивает влияние русских марксистов, Ленина и Стучки на усиление интернационалистического крыла в латвийском революционном движении. Важно то, что Допкевич в противоположность Транзе-Розенку подчеркивает, что ЛСДРП выступала против национализма и в 1905 году не выдвинула требования отделения от России. Правда, Допкевич ни одним словом не говорит о том, что ее вывод начисто

¹ Helene Dopkewitsch. Die Entwicklung des lettlaendischen Staatsgedankens bis 1918. Berlin, 1936.

опровергает один из главных козырей реакционной пропаганды в 1905 году о создании "латышской республики".

Вопросы предистории 1905 года и революционные события рассмотрены также в книге Э. фон Мензенкампа "Люди, и судьбы в старой Лифляндии"¹. Автор - многолетний редактор немецкой газеты в Риге ("Rigische Rundschau") в период нацификации немецкого меньшинства в Латвии, написал эту книгу до войны. Так же, как за три десятилетия до него это делал Транзе-Розенек и впоследствии ряд других немецких авторов, Мензенкамп декларирует, что до начала революции бароны и бюргеры не представляли себе, что в Латвии усиливается революционное движение. Он пишет: "Я не могу вспомнить до 1905 года каких-либо признаков приближавшейся революции"². В связи с этим он жалуется на то, как "трудно заглянуть в сердце и мозги иначе созданного народа".

В связи с тем, что размышления о полной неожиданности революционной вспышки в 1905 году являются одним из важных тезисов немецкой консервативной историографии стоит сказать, что дворяно-бюргерская верхушка просто не видела того, чего она не хотела видеть. В России в целом в последние пре-революционные годы заметно усиливалось народное движение. В Латвии газеты в 1903 и 1904 годах неоднократно публиковали сообщения о революционных листовках и красных флагах. Таким образом, даже печать в известной мере давала впечатление о ширившемся протесте трудящихся. Можно сказать, что закоренелый реакционер, настоящий "диккий помещик" А. фон Транзе-Розенек в 1906 году правильнее освещает вопрос о "неожиданности" и "внезапности" революции: Он прямо пишет, что причиной непонимания событий

¹ Ernst von Mensenkampf. Menschen und Schicksale aus dem alten Livland. Tilsit-Riga, 1943.

² Ibid., S. 142.

было "расовое высокомерье" немецких господ. "Не немец" /так бароны называли латышей и эстонцев/ казался нам настолько низким (*inferior*), что мы не могли себе представить, что он поднимет руку на немецкого господина". Так писал Транзе. Однако было бы несправедливо считать слепоту прибалтийских дворян каким-то из ряда вон выходящим явлением. Разве придворные "сферы" Санкт-Петербурга и Берлина в 1914 году были лучше? Число таких примеров весьма легко умножить.

В 1939 году вышла книга известного прибалтийско-немецкого историка Р. Виттрама "История прибалтийских немцев"¹. Автор как бы неохотно уделяет 1905 году одну страницу большой книги. Виттрам подчеркивает большое влияние социал-демократии на промышленный и сельский пролетариат Латвии. Он отказывается от Тобинского безудержного восхваления прибалтийских аграрных отношений и признает, что "марксистский аграрный социализм развивался в условиях, когда вопрос о положении сельскохозяйственных рабочих и безземельных оставался нерешенным"².

Автор не обходится без обычной фразы о "недееспособности русификаторской административной практики", но подчеркивает связь с общероссийским революционным движением. Он говорит о "жестокости карательных экспедиций". В данной книге Виттрам, говоря о "жертвах революции", называет в первую очередь немецкие "жертвы", но говорит, что "также пострадали многочисленные крестьяне".

х х

х

1939 год является поворотным пунктом в истории прибалтийских немцев. Названная книга Р. Виттрама об истории прибалтийских немцев вышла к моменту драматического завершения этой истории. В октябре-декабре 1939 года немецкое

¹ Reinhard Wittram. Geschichte der baltischen Deutschen. Stuttgart-Berlin, 1939.

² Ibid., S. 167.

меньшинство по призыву Гитлера оставило Латвию и Эстонию и было использовано для немецкой колонизации западных, присоединенных к рейху областей довоенной Польши. В какой-то мере 1939 год ответил на некоторые вопросы, поставленные событиями 1905 года и так и не понятые привилегированными слоями латвийского и эстонского немецкого населения.

Вторая мировая война, репатриация, нападение на Советский Союз и временные успехи гитлеровских полчищ, затем разгром Германии и послевоенное развитие Западной Германии являются факторами, которые повлияли на все сферы немецкой общественной мысли, в том числе исторической науки. Это в свою очередь вызвало большой интерес к историческим судьбам Прибалтики.

В ряде работ немецких авторов, вышедших за последнюю треть века, вновь и вновь затрагиваются проблемы 1905 года в Латвии и Эстонии.

х х

х

Развитие немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике в период после поражения революции и до конца 30-х годов показывает, что с одной стороны, происходила известная эволюция, прослеживается тенденция отхода от наиболее антинаучных и нереалистических утверждений, которые имели столь широкое хождение в реакционной публицистике 1905-1906 годов. При этом следует отметить, что такой отход всегда имел характер умолчания, "забывания" того, что говорилось предшественниками. Ни один из рассмотренных авторов не говорил прямо о том, что какие-то положения Транзе-Розенка или Шиманна были неправильными. Это, несомненно, объясняется не только чувством корпоративной солидарности. Главное заключается в том, что Тобин, Древо, Вульфшус, Виттрам, Мензенкамф не были способны понять ни 1905 год, ни проявившиеся в этом году великие доминирующие тенденции исторического развития не

только маленькой Прибалтики, не только великой России, но и всего мира. Ведь по сути дела, события 1905 года в Прибалтике /этой "старейшей колонии Германской империи", как часто называли немецкие авторы/ были актом ликвидации остатков колониального ига, актом боевой деколонизации. Это не было, да и не могло быть, понято представителями правящих классов, волею национальной и социальной борьбы осужденных на свержение и уход с исторической арены.

НА СТРАХЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НАРОДА
/Борьба газеты "Дюнас Лапа" против идеологии и
пропаганды остзейцев¹ в 1905 году./

В начале века остзейским помещикам и буржуазии принадлежало решающее слово как в экономике, так и в социально - политической жизни Прибалтики. Революция 1905-1907 года была первой попыткой народных масс ликвидировать это господство. В это время наряду с революционной борьбой городских и сельских трудящихся Латвии шла не менее острая идеологическая борьба между силами революции и господствующими условиями. Идеологические защитники контрреволюции - остзейские публицисты и историки - всячески старались обосновать и оправдать феодальные привилегии, искажали характер и ход революционных событий, пытались создать в Прибалтике, в России и в Германии неправильное представление о положении дел в Латвии, старались умолчать социально-экономические причины революции и искали "вину" во второстепенных факторах. Правая печать прибалтийских немцев, особенно наиболее реакционная газета "Дюна-цайтунг", призывала к энергичным действиям против "разрушающих элементов", т.е. против социал-демократии, которая по мнению этой газеты является "... врагом всякой собственности, всякой веры, всякого исторического развития, всякого мирного труда". "Дюна-цайтунг" советовала всеми возможными средствами развернуть широкую кампанию против революционного дви-

¹ Остзейцы - обычное в прошлом название немецких привилегированных сословий в Прибалтике.

ния. Необходимо при помощи листовок и брошюр настойчиво разъяснять народу ... истинные намерения и цели ... его вождей. Подобные статьи нужно распространить в народе тысячами экземпляров. Вот широчайшее поле деятельности для наших социальных политиков, и она принесет плоды. Печатное слово пользуется ... авторитетом!"¹

Социал-демократы Латвии вели в годы революции энергичную борьбу против идеологии латышской, немецкой и русской реакции. Они настойчиво выступали против клеветы остзейцев. Многие ведущие социал-демократы Латвии развернули наряду с революционно-организаторской работой также широкую публицистическую деятельность в этой области. Они разъясняли трудовому народу причины и цели революционного движения, который привилегий остзейцев, их позицию во время революции, разоблачали их лживую пропаганду. Они действовали в духе ленинского положения о том, что "... самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью ... представлений о взаимоотношении всех классов современного общества."²

Большой вклад в происходящую во время революции 1905-1907 годов идеологическую борьбу против сил реакции внесла социал-демократическая пресса Латвии. В 1905 году тираж центрального органа партии - газеты "Циня" - увеличился с 3 000 до 18 000 экземпляров, превзойдя тираж всех местных легальных газет. Газета публиковала теоретические статьи, информацию о развитии революционного движения, много корреспонденций с мест, организовывала трудовой народ Латвии на вооруженную борьбу против существующего строя, объединяла вокруг партии широкие народные массы.

Своеобразие революции 1905 года в Латвии - наличие огромной массы безземельных крестьян, которым противосто-

1 "Дiena-Цайтунг", 1905, 31. V / 13. VI /, № 116.

2 В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, М., 1963, стр. 69-70.

яли помещики - остзейцы и господство немецкой крупной буржуазии, - способствовало вовлечению широких демократических слоев населения в революционное движение. В этих условиях наряду с социал-демократической печатью большое значение приобрела прогрессивная демократическая пресса. В ее рядах виднейшее место занимала ежедневная газета "Диенас Лапа". В 1905 году социал-демократы широко использовали эту газету для пропаганды своих идей.

Становление "Диенас Лапа" как революционного органа происходило постепенно. В начале 1905 года газету еще нельзя рассматривать как последовательно революционный орган. Однако для газеты уже тогда характерна была борьба против остзейской реакции. До осени 1905 года "Диенас Лапа" прибегала порою к своеобразному публицистическому приему: она скрупулезно перепечатывала из ведущих реакционных немецких газет отдельные крупные статьи и сопровождала их своими комментариями.

Одним из важнейших событий в первой четверти 1905 года являлись выборы в рижскую городскую думу. Местные немецкие газеты развернули активную предвыборную борьбу, в которой помимо крайне реакционной "Дьна-цайтунг" активно участвовал также газета "Ригаше Фундшау", которая претендовала на роль защитника интересов либерально настроенной немецкой буржуазии, но, по сути дела, мало отличалась в 1905 году от "Дьна-Цайтунг". Очень консервативным был в годы революции также журнал "Балтише Монатсшрифт". Позднее к лагерь прибалтийско-немецкой правой печати присоединилась газета "Балтише Пост".

Следует отметить, что во время революции социал-демократы Латвии в противовес местной немецкой буржуазной печати пытались создать боевой орган местных немецких рабочих. При участии П. Стучки, П. Дауге, Фр. Розиня и К. Декена в Риге начала выходить социалистическая дневная газета на немецком языке - "Балтише Фолксцайтунг". Из-за на-

жавшихся преследований вышли всего 4 номера этой газеты, но и этого было вполне достаточно, чтобы посеять тревогу в кругах остзейских реакционеров.

Вернемся к выборам в Рижскую городскую думу. Следует отметить, что уже в начале предвыборной кампании "Дiena-Цайтунг" опубликовала воззвание к избирателям, в котором сообщалось о соглашении между "немецкими и русскими" избирателями, чего нельзя сказать о "немецко-латышском" блоке. Хотя у "немецко-русского блока" шансов на победу больше, все таки на этом не следовало бы успокаиваться. Газета пишет: "Перед нами противник, который дерзко мечтает вырвать Ригу из надежных рук тех, кто уже веками олицетворяет в городском правлении величие нашего родного города."¹ "Лучшего правления, чем было в Риге до сих пор, и не придумаешь," добавляет "Дiena-Цайтунг". "Диенаас Лапа" в свою очередь поясняет читателям, что именно по вине "немцев" не возможно добиться соглашения между "латышами и немцами", поскольку последние отказались даже обсудить выдвинутое в предвыборной программе обоснованное требование "латышских избирателей" о "латышском представительстве" в правлении городской думы. "Одного мы не должны забывать ... - указывает "Диенаас Лапа" - что до сих пор Ригой управлял лишь один класс населения, и что о действительном самоуправлении до сих пор не могло быть и речи."² Под выражениями - "немецкие и русские избиратели, "немецко-латышский блок" - следует понимать буржуазию указанных народностей. До осени 1905 года подобная недостаточно четкая, расплывчатая, однако, понятная читателям терминология характерна для "Диенаас Лапа", что объясняется ее "неопределенно демократическим" характером.

После победы на выборах в Рижскую городскую думу "Де-

1 "Diena-Zeitung", 1905, 14.(27.) II.

2 "Diēnas Lapa", 1905, 15.(28.) II, Nr. 34.

на-Цайтунг" в начале апреля 1905 года писала вполне откровенно: "... Мы должны продолжить укрепление наших позиций: в еще большей мере мы должны руководствоваться "национальным эгоизмом", еще больше мы должны заботиться о "нашем" городе вообще, о наших немецких согражданах... и об их семействах в частности."¹ Остальным народностям, по мнению газеты, еще надо достичь "надлежащего культурного уровня", и только потом можно будет подумать об их постепенном вовлечении в самоуправление Риги. "Компромиссное предложение газеты "Ригаше Фундшау" — впредь называть латышей и эстонцев "дорогими соотечественниками" и "дорогими земляками" — "Дйна-Цайтунг" категорически отклонила.

Характерный для остзейцев образ мышления в большей или меньшей мере раскрывается во многих статьях и изречениях "Дйна-Цайтунг", перепечатанных в "Диенас Лапа". Это, в частности, разглагольствование о "долгой и трудной культурной деятельности немцев на протяжении 700 лет во благо латышского народа; о "неблагодарности латышского народа", о его "мании величия"² и ложных надеждах на то, что латышская культура со временем сможет претендовать на равную с немецкой культурой ценность и т.п. "Диенас Лапа" подчеркивает, что подобные взгляды местной немецкой печати столь же стары, как само немецкое господство в Прибалтике. К таким мыслям "остзейцы привыкли с детства, как рыба к воде".³ "Было бы напрасной тратой времени — добавляет "Диенас Лапа", — если бы мы пытались словами переубедить прибалтийских немцев в том, что они придерживаются неверного представления о латышах... По мнению остзейцев, будущее Прибалтики принадлежит им".⁴ "Диенас Лапа" писала, что

1 "Dienas Lapa", 1905, 22.III (4.IV), Nr. 63.

2 "Dienas Lapa", 1905, 23.VII (5.VIII), Nr. 159; "Dina-Zeitung", 1905, Nr. 142.

3 "Dienas Lapa", 1905, Nr. 158, 23.VII (5.VIII).

4 "Dienas Lapa", 1905, 16.(29.) VII, Nr. 154.

было бы ценным приобретением для латышского народа позаимствовать с помощью остзейцев элементы великой немецкой культуры. Но почти 300 лет латыши в идейном плане "слышали лишь только однообразную для батраков мораль, а ар народ развить нельзя".¹ Остзейцы намеревались воспитать себе послушных холопов, которые были бы умственно развиты лишь настолько, насколько это требуется для надлежащего ухода за хозяйством в немецких имениях. "Культура жива и развивается творчески, - писала "Диенас Лапа", - если она корнями уходит в народные массы; но немецкая культура в Прибалтике мертва, она может существовать, может "тянуть жизнь", но она не в состоянии плодотворно развиваться".

В то время, когда во всей Латвии росло недовольство, усиливалось революционное движение в городе и на селе, правящие остзейские круги полностью игнорировали объективные причины революции. Нередко даваемое ими объяснение причин революционного движения граничило с цинизмом. В марте 1905 года "Диенас Лапа" опубликовала выдержки из письма редактора "Дрна-Цайтунг" Э. Серафима в редакцию газеты "Русь", в котором автор не постыдился утверждать, что "... условия жизни местных крестьян более чем хороши; здесь имеется класс зажиточных крестьян, равного которому нет во всей Европе".² "Спросите у русских судей и чиновников, - восклицает Серафим, - они вам скажут, что об угнетении крестьян со стороны "баронов" не может быть и речи; зато имеются очень ясные доказательства обширной общественной заботы помещиков о своих крестьянах." Редакция "Диенас Лапа" не сочла нужным даже комментировать это письмо. "Подобные утверждения, - писал "Валтиас Вестяесис", статья которого опубликована в "Диенас Лапа", - Серафим мог осмелиться преподнести ... только русским читателям, на неосведомленности которых он спекулирует." "Диенас Лапа" перепеча-

1 "Diēnas Lapa", 1905, 16.(29.)IV., Nr. 84.

2 "Diēnas Lapa", 1905, 14.(27.)III, Nr. 56.

тала также материалы немецких газет, содержащие утверждения, что в Прибалтике имеет место не движение латышского и эстонского народов, а "коварная" деятельность немецких, бельгийских и даже французских социалистов". Сообщения немецких газет были так далеки от действительности, что сама перепечатка была своеобразной формой опровержения.

Параллельно с этим газета уделяет много внимания таким интересующим значительную часть населения проблемам, как права патроната. "Диенас Лапа" даже иронически комментирует сообщения "Дэна-Цайтунг" о том, что конвент Лифляндского дворянства принял решение создать комиссию, которой следует обсудить вопрос об изменении состава Лифляндского ландтага. "Диенас Лапа" замечает, что в условиях стремительного усиления народного движения "это весьма немного - ... назначить "комиссию", которая "обсудит" этот вопрос. Делается же это из опасения, что провозглашенная в царской столице программа реформ наверняка коснется также Прибалтийских губерний... Вот почему теперь самый подходящий момент опять представить какой-нибудь проект, который может быть в мелочах что-нибудь и изменить, но оставит в остальном все по-старому."¹

Эти сомнения по поводу эффективности "реформаторских" планов помещиков оказались верными. Когда в конце мая в Риге состоялась конференция представителей дворянства прибалтийских губерний с целью обсуждения предполагаемых преобразований местного самоуправления Остзейского края, то решение этой конференции выглядело следующим образом: "Существующие в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии ландтаги дворянства останутся неизменными в своем существующем в настоящее время составе. Но ... следовало бы создать ... учреждения, которые ведали бы ... общими коммунальными нуждами, при обсуждении которых каждый сможет выступить на том языке, который ему больше нравится".² "Диенас Лапа"

1. "Dienas Lara", 1905, 12.(25.)III, Nr. 55.

2. "Dienas Lara", 1905, 1.(14.)VI, Nr. 117.

писала по этому поводу, что латышам и эстонцам действительно нечего было радоваться, когда местное дворянство при помощи "Двна-Цайтунг" объявило, что оно приступает к разработке планов "реформ" местного самоуправления.

В ответ на широкое движение оаьскохозяйственных рабочих летом 1905 года в Курляндии, немецкие буржуазные газеты начинают призывать к усилению репрессий, утверждая, что имеющиеся тюрьмы слишком "гуманны", что "вместо котор- го нужно ввести смертную казнь," что "дворянам следовало бы подумать о самозащите". "Диенас Лапа" информирует читателей об этом. Газета публикует прошения родовитых баронов Прибалтики и их сыновей о разрешении им "бесплатно" выполнять обязанности т. наз. "почетных полицейских" и советы немецких газет о "гарантировании безопасности".¹ "Ригаге Рундшау" в это время советовала добиться соглашения между владельцами имений и крестьянами-усадьбовладельцами, ибо только в таком случае "организация самообороны" будет иметь прочную опору и сможет противостоять "бунтовщикам." "Двна-Цайтунг" шла еще дальше и рекомендовала следующие радикальные средства. Первое - владельцы имений в Прибалтике должны установить контакты с немецкими колонистами в центральных губерниях России и выписать оттуда в помощь себе людей, надежность которых была бы заверена местным пастором. "Диенас Лапа" отмечает, что восторженное одобрение остзейских кругов заслужило второе предложение - некоего господина Ф.Р., опубликованное в "Двна-Цайтунг". Речь идет о "выписке с Кавказа "диких" черкесов, которые в условиях Прибалтики "смогут оказаться весьма пригодными."²

Критическое едко проияческое отношение "Диенас Лапа" к выпадам немецких реакционных газет, объективное отражение развития революционного движения в Латвии, публикация правдивых фактов способствовали расширению круга читателей газеты. Это позволило издателям с 1 сентября понизить цену

1 "Dienas Lapa", 1905, 12.(25.)III, Nr. 150; 28.VII(10.VI)163, Nr. 172, 9.(22.) VIII.

2 turpat, 1905, 28.VII(10.VIII), Nr. 163.

газеты с 5 до 3 копеек.

В начале августа 1905 года немецкому дворянству удалось добиться объявления в Курляндии военного положения. Однако реакционная "Дюна-Цайтунг" на этом не успокоилась. Она находит, что для деятельности остзейцев, якобы, характерно "упоение гуманностью", этакие "нервно-слезливые действия без необходимой строгости". Газета "объясняет" это тем, что немцы больше руководствуются "голосом сердца, а не логическим мышлением".¹ Мало того. В целях преодоления упомянутого "упоения гуманностью" /между прочим, никак не характерного для остзейцев/, "Дюна-Цайтунг" вскоре формулирует в лаконичной форме свое понимание "задачи дня". Она требует за каждого убитого остзейского барона повешения "дежины калныньшей и озолыньшей".² Это вызвало негодование не только революционной печати. "Диенас Лапа" вскоре процитировала напечатанное в "Гижском Вестнике" замечание: "Сотрудники "Дюна-Цайтунг" совсем разбушевались и стали проявлять столь кровожадные инстинкты, какие были бы к лицу только ... людоедам..., а не людям, считающим себя "солью земли" Прибалтийских губерний."³ Права оказалась "Диенас Лапа", предсказавшая "большое будущее" этому крылатому выражению "Дюна-Цайтунг".

Период высшего подъема революции 1905 года /октябрь-декабрь 1905 года/ является активнейшим и плодотворнейшим периодом пропагандистской деятельности "Диенас Лапа". В это время "Диенас Лапа" стала самым популярным печатным органом Латвии. Это побудило Я. Эферта-Клуссайс в "замечаниях по истории латышской идеологии" сделать вывод в 1928 году, что "Диенас Лапа" "... превратилась в социал-демократическую газету и временно заменила "Цинь".⁴ Но,

1 "Düna-Zeitung", 1905, 23.IX(6.X), Nr. 210.

2 "Dienas Lapa", 1905, 28.IX(11.X), Nr. 215.

3 turpat, 1905, 28.IX(11.X), Nr. 215.

4 Klusais. Piezīmes par latviešu ideoloģijas vēsturi. ., 1925, 158. lpp.

как доказано последующими исследованиями, это ошибочный вывод.¹ Сама "Диенас Лапа" писала по этому поводу: "Диенас Лапа" не имеет ... чести быть официальным органом Латвийской социал-демократической рабочей партии ... но мы открыто и прямо обещаем одно - "Диенас Лапа" везде будет смело ... защищать интересы рабочей партии и ее стремления к лучшему ... будущему." "Диенас Лапа" прошла неравномерный путь развития. Ее редакторами в разное время были люди весьма различных взглядов.

Перелом в работе редакции "Диенас Лапа" произошел в октябре 1905 года - тогда, когда Я. Янсон-Браун принял на себя обязанности редактора газеты, а П. Бисениеку приклялось "решающее слово" среди издателей газеты".² Следует отметить, что П. Бисениек был долголетним издателем "Диенас Лапа". Уже в 1888 году, когда газетой руководил П. Стучка, последний отмечал, что "в лице П. Бисениека ... "свободное слово находило живого защитника..."³ Когда через три года П. Стучка оставил руководство газетой и на его место был утвержден Я. Плиекшан /Гайнис/, "П. Бисениек, - писал П. Стучка, - остался единственным из издателей и, мне кажется, Я. Плиекшан также смог был заверить, что ... никакого вмешательства с попыткой сделать газету более умеренной со стороны П. Бисениека не было." Наоборот, в октябре 1905 года П. Бисениек высказал редакции газеты пожелание, "... чтобы писали острее и не забывали ежедневно помещать какую - нибудь статью про остзейцев."⁴ Это пожелание своего издателя руководство "Диенас Лапа" соблюдало в полной мере.

Приступив к обязанностям редактора в "Диенас Лапа", Я. Янсон-Браун обратился к читателям со следующими словами: "Каждый, кому известно мое прошлое, и для кого не се-

1 Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi. I d., R., 1961, 117. lpp.; LPSR Mazā enciklopēdija. I sēj., R., 1961, 384. lpp.

2 P. Dauge. P. Stučkas dzīve un darbs. R., 1958, 41d lpp.

3 turpat

4 turpat

крет моя деятельность в настоящем, не станет спрашивать, какой программы будет придерживаться "Диенао Лапа".¹

Читателям "Диенао Лапа" и всей прогрессивной общественности Латвии личность Я. Янсона-Брауна, его недавнее прошлое были хорошо известны. За двенадцать лет до этого в "Диенао Лапа" был опубликован доклад Я. Янсона-Брауна - смелый и остроумный памфлет "Размышления о современной литературе." П. Стучка в 1918 году характеризовал эту работу как "увертуру Латвийской социал-демократки"¹ и считал, что для латышской социал-демократии она имеет такое же значение, как работа А. Бебеля "Женщина и социализм" имела для немецкой социалистической литературы.

Критическая оценка латышской литературы, данная Я. Янсоном, взволновала общественность Латвии, и прославила его имя. Представители псевдонародного романтизма были идейно разгромлены и высмеяны. Начав с литературной критики, Я. Янсон вырос в видного деятеля революционного направления Нового течения. Вместе с остальными виднейшими представителями Нового течения он был арестован в 1897 году. Последовали годы ссылки в Смоленске, в Витебске, а позже - тюрьма в Петербурге.

Вернувшись в конце 1903 года в Ригу, Я. Янсон-Браун сразу включился в революционную борьбу. Легально он заведовал в редакции газеты "Яуна Диенао Лапа" отделом военных известий. Но когда в марте 1904 года начала нелегально выходить марксистская "Циня", то он вместе с Я. Озолем были ее первыми редакторами.

1905 год являлся переломным моментом в жизни всего латышского народа, в том числе и в жизни Я. Янсона-Брауна. А. Упит вспоминает: "В 1905 году мы в самом центре происшествий. Без него не обходилось ни одно более или менее важное событие; не было ни одного совещания или съезда на

1 "Dienas Lapa", 1905, 27.I(9.XI), Nr. 237.

2 P. Zeile. Markaistiskās estētikas līdzumnieks Latvijā. "Karogs", 1972, Nr. 3, 132. lpp.

котором не виднелась бы его стройная фигура и не звучала его пламенная речь..."¹ В 1905 году Я. Янсон-Браун находит время также и для публицистики. В октябре-декабре 1905 года им написано около 40 статей для "Диенас Лапа". Это статьи, написанные в условиях бурно развивавшихся революционных событий, откликались на актуальные проблемы революционного движения. Примерно половина из них посвящена разоблачению политики остзейского дворянства и буржуазии.

В первые дни после провозглашения манифеста 17 октября Я. Янсон-Браун писал, что остзейцы доказали отсутствие элементарного политического разума и практического расчета и в своем реакционном тупоумии начали войну против народа. "Почетные полицейские" и подчиненные им казаки и драгуны по своей инициативе вооруженной силой разгоняли митинги. "Дрна-Цайтунг" своими кликушескими статьями еще больше обостряла ситуацию. Именно против такого рода статей и обращена публицистика Я. Янсона-Брауна в "Диенас Лапа". Он иронизует над местными привилегированными немецкими кругами, единственным девизом которых остался клич: "Больше казаков! Больше солдат!" "Дрна-Цайтунг", - пишет Я. Янсон-Браун, - дает совет: "... разместить на постой солдат в домах тех крестьян, которые прекратили уплату аренды баронам. Пусть солдаты живут за счет крестьян до тех пор, пока те не образумятся". "Значит, - добавляет Я. Янсон-Браун, - если крестьяне по своей бедности не могут внести платежи имения, их дома сразу же следует превратить в казармы, а солдат с них снимет последний рубашку."²

Несколько статей "Диенас Лапа" посвящены разоблачению лихорадочной деятельности немецких бурггеров по организации "самообороны". Газета упоминает мероприятия, которые советует провести своим читателям "Дрна-Цайтунг": создание вооруженных отрядов "бурггерской гвардии", образование ускорен-

1 А. Upīts. J. Jansons-Brauns. R., 1930.

2 "Dienas Lapa", 1905, 12.(25.)XI, Nr. 251.

ного полицейского отряда за счет города Риги, организации т. наз. "соседской взаимопомощи", и приходит к выводу, что все эти формирования будут "черной сотней" остзейцев, готовящихся к "настоящей гражданской войне". Я. Инсон-Браун сравнивает немецкие бургерские круги после манифеста 17 октября и всеобщей забастовки в Риге с "растревоженным муравейником", который все еще не может успокоиться. Газета уделила особое внимание инсинуациям остзейской печати о провозглашении т. наз. "латышской республики" и о ее отделении от России. Как известно, правящие прибалтийско-немецкие круги путем распространения подобных слухов стремились ускорить направление в Прибалтику карательных экспедиций и вызвать еще большее усиление репрессий против революционеров. "Диенас Лапа" писала, что немецкие помещики и бургеры надеются, что в создаваемом при генералгубернаторе "совете" им будет представлено решающее слово и они смогут по своему усмотрению осуществлять местные реформы, а также на то, что правительство наводит Прибалтийские губернии войсками.

Проводя принципиальную борьбу с остзейской реакцией, "Диенас Лапа" вместе с тем уделяла внимание и редким либеральным высказываниям отдельных представителей остзейского дворянства и буржуазии. Одним из таких либеральных, нетипичных для остзейцев заявлений была статья Эстляндского дворянина Клотта в газете "Ригаше Гундшау", которую "Диенас Лапа" целиком перевела и опубликовала. Эстляндский дворянин ставит вопрос о том, "возможно ли взаимопонимание" между большинством латышского и эстонского народов и привилегированными немецкими сословиями. Клотт придерживается типичных для либерального помещика взглядов, но считает, что "... на хозяйственной основе... взаимопонимания можно достичь ... нас разделяет лишь выбор пути, идя по которому ... народ собирается осуществить свои требования." Правда была "Диенас Лапа", замечая, что даже таких помещиков очень мало. Газета констатировала, что в среде остзейцев с неболь-

шими исключениями царит реакционное единодушие, отсутствует умеренное течение. В целом прибалтийское дворянство реакционно или даже крайне реакционно, за исключением отдельных помещиков. Разумеется, подобная характеристика вызвала протест "Диена-Цайтунг", которая с нафосом вопрошала: "Разве пустой отраницей являются выработанные дворянством аграрные законы? Выдвинутые в ландтаге планы реформ? Деятельности на благо народных школ!" На это "Диенас Лапа" отвечала: "... нет, это не пустая, это полностью испорченная страница в истории нашей родины, эту страницу следует вырвать и бросить в огонь."

Вскоре реакция перешла в наступление, и "Диенас Лапа" была запрещена.

В 1905 году "Диенас Лапа" постепенно превратилась в выразительницу революционных идей, правда, в отдельных статьях газеты после объявления манифеста 17 октября нередко еще встречается неоправданный оптимизм, недооценка противника, чрезмерное великодушие по отношению к местному классовому врагу, нечеткие формулировки о "гуманности" и "корректности". Но нельзя отрицать одного - "Диенас Лапа" в течение всего 1905 года последовательно и настойчиво разоблачала политику и идеологию правящих остзейских кругов. В последние месяцы 1905 года "Диенас Лапа" печатала самые критические и разоблачающие статьи о планах, намерениях и действиях остзейцев. Она играла важнейшую роль в борьбе социал-демократов Латвии против прибалтийско-немецкой реакции.

ЛАТВИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В ГЕРМАНИИ
(1905-1914)

Большое значение в развитии рабочего движения в Латвии в конце XIX и начале XX века имело влияние и прямая поддержка со стороны социал-демократических партий великих соседних - русского и немецкого - народов. Автор данной статьи имеет своей целью в некоторой степени показать непосредственные связи между латвийскими и немецкими революционерами, особенно после поражения Российской революции 1905 года.

Отдельные представители революционной латвийской интеллигенции еще в 90-е годы установили непосредственные связи с выдающимися руководителями Германской социал-демократической партии, получили возможность широко пользоваться выпускаемой в Германии марксистской литературой. Германская социал-демократическая партия в то время была крупнейшей и сильнейшей социал-демократической партией в Европе. Последовательные действия этой партии против реакции привлекли внимание и революционной латвийской интеллигенции.

Первые личные контакты с руководителями Германской социал-демократической партии установили П. Дауге и П. Плиекшанс-Райнис. П. Дауге в мае 1893 года выехал в Берлин изучать стоматологию. Кругок революционных латвийских студентов Дерптского университета, который с большим подъемом изучал книгу А. Бебеля "Женщина и социализм", поручил члену кружка П. Дауге посетить автора книги - одного из руководящих работников Германской социал-демократической партии - Августа Бебеля.

Летом того же 1893 года (в августе) с А. Бебелем неоднократно встречался другой латвийский "новотеченец" - Я. Райнис. Я. Райнис и его сестра Дора Плиекшанс приняли участие в работе III съезда II Интернационала, проходившего в Цюрихе.

Как П. Дауге, так и Я. Райнис, возвращаясь на родину, нелегально привезли запрещенную в царской России социал-демократическую литературу.

Немецкая марксистская литература, безусловно, произвела огромное влияние на все "Новое течение". Особенно заметно это было в печатном органе "Нового течения" - "Диенас Лапа", в котором довольно часто появлялись статьи о социал-демократическом движении в Европе вообще и в Германии в частности.

Более тесные контакты с немецкими социал-демократами латышские прогрессивные интеллигенты-марксисты установили в самом конце XIX века после арестов "новотеченцев" в Риге в 1897 году. Некоторым участникам "Нового течения" удалось эмигрировать в Западную Европу - Англию, Францию, Швейцарию, Германию.

В этих странах в результате демократических революций, совершившихся в середине XIX века, создались буржуазно-демократические государства. Пролетариат этих стран приобрел более или менее широкие политические права - свободу слова, печати и др. В то же время Россия, несмотря на бурное развитие производительных сил в XIX веке, осталась одной из немногих абсолютных монархий. Российский царизм беспощадно глушил любую вольную мысль, любое требование пролетариата об обеспечении элементарных политических прав, любое национальное движение в пределах империи. Беспощадными приговорами самодержавие пыталось уничтожить любой всход вольнодумия.

Такие репрессии в конце XIX века и заставляли эмигрировать многих латышских революционеров. В это время создавались первые группы латышских социал-демократов за границей. Так, 12 января 1899 года была создана первая организация эмигрантов - берлинская группа "Заграничные ребята"¹. Эти эмигрантские группы были численно небольшими организациями латышских революционеров, которые комплектовались в основном из кругов прогрессивной латышской интеллигенции. Они продолжали активно содействовать развитию революционного движения в Латвии. Революционные эмигранты не только сами изучали теорию марксизма, но и стремились ознакомить с ней и массы трудящихся в Латвии - переводили и печатали труды классиков марксизма на латышском языке, организовывали нелегальный ввоз и распространение этой литературы в Латвии.

¹ "Viļeņa", изд. загр. Комитета СДЛК, 1911, №1, стр. 2

Главным организатором транспорта нелегальной литературы из Германии с осени 1902 года был Я.Ковалевский ("Кундзинь"), который вместе с супругой Ольгой поселился в Карлсруэ. Здесь Я.Ковалевский продолжал в Высшей политехнической школе (Politechnische Hochschule in Karlsruhe) учебу, начатую в Рижском политехническом институте, и в 1905 году получил диплом инженера-химика¹.

Семья Ковалевского в Германию выехала по заданию социал-демократических организаций Латвии. Первой задачей О.и Я.Ковалевских была организация транспорта изданной за границей латвийской нелегальной литературы.

Для транспорта литературы использовались самые разнообразные пути и способы - почтовые посылки, пересылки с надежными путешественниками, моряками, по суше и морю. Разными путями, но нелегальная социал-демократическая литература достигала цель - трудовые массы Латвии.

Под руководством Я.Ковалевского латышские социал-демократы в Германии научились действовать эффективно, ловко и конспиративно, используя опыт, накопленный немецкими социал-демократами, приемы т.н. "красной почты". Я.Ковалевский создал такую безотказную транспортную систему, что посылки латышских социал-демократов всегда достигали цели. Скоро и другие социал-демократические организации России обратились к нему с просьбами транспортировать их посылки.

Я.Ковалевский в своих воспоминаниях указывает, что главным и самым надежным вскоре стал морской транспорт². Важными опорными пунктами в системе транспорта литературы стал Гамбург, а также Любек и Бремен. Из этих портов в Ригу, Вентпилс, Лиепая курсировали пароходы с пиломатериалами, зерном в Германию, с углем, машинами и др. товарами - в Латвию. "Почтальонами" являлись надежные моряки, которым латышские социал-демократы передавали посылки нелегальной литературы. Некоторые из этих моряков были членами социал-демократической партии. Моряки прятали ценный груз как контрабанду на пароходе,

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф.124, оп.1, ед.хр.887, л.2

² Bez cīgas nav izvegas. Рига, 1963, стр.60.

а в порту назначения передавали соответствующим лицам.

По системе транспорта Ковалевского переправляли из Германии в Латвию и ленинскую "Искру".

Параллельно транспорту литературы в 1905-1906 гг. Я. Ковалевский организовал транспорт оружия, используя порты Германии и Бельгии.

В конце XIX века под влиянием марксистских идей, под влиянием того света, который исходил из Германии, росло поколение революционеров, которое подняло боевое знамя в революции 1905-1907 гг., направленной против царского самодержавия, а также против немецких баронов в Латвии.

Следует отметить, что первые латышские революционные эмигранты в Западной Европе еще до революции подготовили организаторскую основу деятельности тех революционеров, которые были вынуждены эмигрировать в 1905-1907 годах из-за преследований царизма. В эти годы эмигранты из Латвии отправлялись в те города Западной Европы, в которых уже действовали эмигрантские группы СДЛК или РСДРП или имелись связи с членами и организациями местных социал-демократических партий.

Берлин стал одним из крупнейших центров латышских революционных эмигрантов в Западной Европе. Это объясняется тем обстоятельством, что Берлин находится недалеко от границ России и является крупным узлом сообщения: имелось прямое сообщение с Кенигсбергом, Тилзитом, Варшавой, с портами Гамбурга, Бремена, Любена, Штетина.

В связи с ростом численности латышских революционных эмигрантов в Германии, здесь создавались все новые группы и организации СДЛК: в 1905 г. - в Гамбурге, в 1906 г. - в Бремене, в 1907 г. - в Карлсруэ, в 1908 г. - в Штутгарте. Самой крупной из групп СДЛК в Германии была "Заграничные ребята" в Берлине. Численность этой организации в разное время колебалась от 20 до 50 членов.

В период с 1908 по 1913 год латышские эмигранты Германии разместились так (см. таблицу).

Численность групп СДЛК в Германии в 1908-1913 гг.^I.

Наименование организации	Берлин	Гамбург	Бремен	Карлсруэ	Штутгарт	Всего
1908	24	22	13	11	6	76
1909	34	12	12	9	8	75
1910	34	11	12	7	9	73
1911	43	19	10	8	9	89
1912	-	-	-	-	-	-
1913	31	19	7	-	-	57

Примечание: о численности этих групп за 1912 год материалы отсутствуют

Интересно отметить, что в отличие от первых эмигрантов на исходе XIX века, являющихся представителями кругов революционной латышской интеллигенции, после поражения революции 1905-1907 гг. эмигрантские группы СДЛК в Западной Европе пополнялись главным образом теми, которые боролись в первых рядах революционных масс трудящихся - боевиками, "братьями леса". Эти бойцы имели большой опыт вооруженной и политической борьбы, твердое политическое убеждение. Освобожденная бурными событиями 1905 года энергия пролетариата Латвии свое дальнейшее развитие и область применения нашла в эмиграции. Это во многом определило характер и цели деятельности групп СДЛК в Западной Европе. Эмигрантские группы СДЛК в Германии так же, как и остальные, считали себя резервом партии, цель которого - всячески содействовать нелегальной деятельности партии на родине. Для достижения этой цели необходимо было в первую очередь объединить всех членов СДЛК за границей, совершенствовать их классовое сознание, оказывать максимально возможную материальную поддержку партии, имеющей очень ограниченные финансовые ресурсы.

^I "Bilietens" изд. ЦК СДЛК, 1908, декабрь, № 2 " Baltijas Vēstnesis " изд. Заграничного комитета СДЛК, 1909, сентябрь, № 2. Там же, 1910, № 6, приложение № 2. "Bilietens" изд. Заграничного комитета СДЛК, май, 1911, № 1. Там же, 1914, май № 11/12.

Тяжелые специфические условия эмиграции безусловно повлияли на любого эмигранта: оторванность от своего народа, незнание иностранного языка, фактическая дискриминация при трудоустройстве в чужой стране, неизвестность судеб родных и товарищей, необходимость приспосабливаться к образу жизни и традициям другого народа.

В этих сложных условиях латышские революционные эмигранты в Германии организовались, чтобы продолжать свою революционную деятельность. Создавая свои партийные организации в Германии, латышские революционные эмигранты соблюдали основной принцип строительства партии, установленный уставом СДЛК и РСДРП - демократический централизм.

Основной организационной единицей эмигрантов СДЛК в Германии была первичная партийная организация, действовавшая в основном легально, в своей работе строго соблюдавшая партийную дисциплину, подчинение меньшинства большинству,

Основные принципы организационного строения эмигрантских групп СДЛК, права и обязанности их членов, задачи групп были сформулированы в уставе группы. Такие уставы в 1906/1907 гг. были разработаны во всех группах СДЛК в Германии. Обычно в уставе были выделены следующие основные разделы: основные задачи группы, права и обязанности членов группы, руководящие органы группы, их выборы, полномочия, ответственность, финансовые вопросы деятельности группы (организации). Берлинская группа СДЛК "Заграничные ребята", например, задачи группы сформулировали так: "Организация СДЛК "Заграничные ребята" ставит своей задачей совершенствовать пролетарское классовое сознание своих членов, чтобы они после возвращения в Россию могли более успешно участвовать в рабочем движении Балтии, а также содействовать социал-демократическому движению здесь"¹.

Главным решающим органом заграничных групп СДЛК было собрание членов группы, имеющее большое значение в жизни

¹ Партархив ИИП при ЦК КПЛ, ф.2, оп.1, д.7, стр.13.

организации. На собраниях обсуждались текущие вопросы работы, собрания были и школой политического образования эмигрантов. Как видно из сохранившихся протоколов собраний зарубежных групп СДЛК¹ и отчетов групп Заграничному Комитету СДЛК, собрания членов этих групп проводились регулярно и в их работе участвовали почти все члены группы.

Члены, регулярно уплачивающие членские взносы, регулярно посещающие собрания, назывались "активными членами". "Пассивные члены" свои обязанности выполняли нерегулярно (по разным причинам: безработица, плохие условия работы и т.п.), поэтому их права обычно были ограничены. "Заграничные ребята", например, своим уставом лишили "пассивных членов" решающего голоса на собраниях.

Группами СДЛК в Германии и всей Западной Европе руководили выборные бюро группы или "комитета действия" - коллективные органы руководства и исполнения принятых решений. Эти органы состояли из секретаря группы, казначея, писаря, библиотекаря, 1-2 ревизоров. В малочисленных группах все эти обязанности выполнял один человек, как это было в Бременской и Гамбургской группах СДЛК.

В Латвии в условиях разгула реакции партийные организации часто были вынуждены ограничивать свою внутреннюю демократию, а за границей её можно было осуществить более или менее широко, в зависимости от общественно-политического режима того или другого государства Западной Европы. В Германии, в отличие от некоторых других государств Европы, революционные эмигранты были вынуждены сохранить частичную конспирацию. Государственные власти кайзеровской Германии открыто выслеживали политических эмигрантов, препятствовали их прописке по месту жительства, высылали часто по ничтожному поводу за пределы Германии, неоднократно выдавали эмигрантов царским властям. Так секретарь Бременской организации т. Рафельд в письме товарищу Ю марта 1908 г. писал,

¹ Документация зарубежных групп СДЛК сохранилась только частично.

что полиция тщательно "охраняет" иностранцев¹. Рата города Миттвейде выслала из Саксонии в апреле 1908 года Отто Лунгу за революционную деятельность среди латышских и русских эмигрантов и среди немецких социал-демократов, запретив ему возвращаться в Саксонию и в будущем².

Историк Германской Демократической Республики Бото Брахман в своей работе о деятельности революционно настроенных русских студентов в Берлине указывает, что их выслеживали, производились обыски на их квартирах, что они высылались из Берлина, Пруссии, Германии³.

Бывший член берлинской группы "Заграничные ребята" К.Зандерсон (Земит), вспоминая о своей деятельности в Берлине, рассказывает, что в июне 1907 года полиция его арестовала потому, что он не имел при себе паспорта. Полиция обыскала также и его квартиру, но не нашла ничего компрометирующего, поскольку товарищ К.Зандерсона, случайный свидетель ареста, успел все "лишнее" убрать (одним из партийных поручений К.Зандерсона было обеспечение эмигрантов необходимыми документами. В его квартире хранились бланки разных документов, печать губернатора Лифляндии и др.). Так как паспорт К.Зандерсона не был в порядке, полиция признала владельца политически неблагонадежным и выслала из пределов Германской империи навсегда⁴.

От нападков берлинской полиции и прусских судов русских революционных студентов и латышских эмигрантов действительно защищали немецкие социал-демократы. Большую роль в этом играли выдающиеся руководители немецкой социал-демократии К. Либкнехт, К.Цеткин, Фр.Меринг. Карл Либкнехт в течение

¹ Партархив ИИП при ЦК КПЛ, ф.2, оп.1, д.17, л.91.

² Там же, д.15, л.138.

³ Botho Brahmenn. "Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895-1914", Berlin, 1962, S. 59.

⁴ Государственная библиотека Латв.ССР, отдел редких книг и рукописей, ф. А 43, I стр.2.

нескольких месяцев помогал прятаться упомянутому выше К.Зандерсону, нелегально вернувшемуся в Германию. Карл Либкнехт был адвокатом, когда в Гамбурге судили члена группы "Заграничные ребята" К.Зутис (Негис, Шлосе) за организацию транспорта оружия¹.

В целях необходимой конспирации большинство политических эмигрантов в Германии старались приобрести паспорта на другие фамилии. Так упомянутый выше К.Зандерсон длительное время проживал в Германии (после высылки) под именем подданного Российского государства А.Сахарко². В целях конспирации члены СДЛК в Германии сохранили и свои выбранные "клички", которые фигурировали в партийных документах и в переписке.

Группы СДЛК в Германии, несмотря на ограниченные возможности, проделали значительную организационную и идеологическую работу. Латвийские революционные эмигранты одной из главных задач партийной организации за границей считали углубление и укрепление марксистского мировоззрения ее членов. В Западной Европе были сравнительно благоприятные условия для развития идеологической работы. Социал-демократам всех стран была доступна марксистская литература, они имели возможность подробно и всесторонне ознакомиться в опыте рабочего движения в капиталистических странах Европы.

Революционные эмигранты настойчиво стремились расширять свои теоретические знания о развитии человеческого общества. Это делалось как коллективно, так и индивидуально. В более крупных, сильных группах СДЛК в Германии ежемесячно было прочитано 1-2 доклада на политические и теоретические темы. Доклады готовились обычно самими членами групп. В Берлине, в составе "Заграничных ребят" входили такие видные латвийские революционеры-марксисты как Я.Герман (Аусеклис), Я.Гиполис (Рудис), Я.Берзинь-Андерсон, Я.Яблонский и др.

¹ Государственная библиотека Латв.ССР, отдел редких книг и рукописей, Ф А 43, I, стр. 3.

² Там же, Ф А 17, оп. 2, д. 55, стр. 2.

Часто читать доклады приглашались и партийные работники из других организаций. Берлинской группе СДЛК в 1907 г. несколько докладов об историческом материализме прочитал делегат II съезда СДЛК В.Дерманис (Дамбитис), который, возвращаясь из Лондона, некоторое время находился в Берлине¹.

Интересным новшеством, введенным "Заграничными ребятами" была подготовка членов группы к докладам. На собрании членов группы назначенный докладчик в течение 3-5 минут знакомил остальных с основными тезисами своего будущего доклада, например, на собрании группы 28 июня 1908 г.². Так простые рабочие, составляющие значительную часть группы, получали возможность лучше разбираться в проблемах, рассматриваемых в докладе, в течение месяца каждый член имел возможность ознакомиться с соответствующей доступной литературой.

Члены малочисленных групп охотно принимали участие в мероприятиях, проводимых местными организациями Германской социал-демократической партии. Так, члены Бременской группы СДЛК регулярно участвовали в циклах лекций, организуемых местной организацией Германской социал-демократической партии³. "Большинство членов группы посещают вечерние курсы, организованные местной немецкой партией, сообщает руководство этой группы СДЛК⁴... Совместно с немецкими рабочими отмечался праздник Первое мая - проводилось шествие по городу и закрытый вечер в городском саду⁵.

Большие возможности для самообразования революционным

¹ Партархив ИИП при ЦК КПЛ, ф.15, оп.2, д. II, л.8.

² Там же, ф.22, оп. I, д. I, д.24.

³ "Socialdemokratijas vēstnesis" 1910, февраль, № 6, приложение II, стр.2.

⁴ "Vīletens" изд. Бюро заграничных групп СДЛК, 1914, май, № II/12, стр. 13.

⁵ Там же, 1913, май № 2/3, стр. II.

эмигрантам давали обширные библиотеки крупных городов Западной Европы. Так упомянутый выше историк ГДР Бото Брахман приводит сведения о том, что, например, прусская полиция в мае 1907 года произвела обыск в читальнях им.Салтыкова и Чехова, посещаемых русскими студентами, и обнаружила, что читальня им.Салтыкова служила опорным пунктом латышских социал-демократов. Здесь были обнаружены листовки СДЛК, ноты латышских революционных песен, устав Цюрихской секции СДЛК и др.компрометирующие материалы¹.

Часть латышских революционеров продолжали свою учебу в высших учебных заведениях Германии. Инженерное искусство в Мангейме изучал видный латышский революционер Э.Звирбулис (Путяс), электротехнику в Карлсруэ - К.Розентал, а в Берлине - А.Отруп. Эти примеры не единственные.

Активная идеологическая работа, а также и пролетарский состав групп СДЛК в Германии обусловили большевистскую позицию латышских социал-демократов, находящихся в эмиграции в то время, когда в Российской социал-демократической рабочей партии происходила острейшая борьба между разными направлениями. В руководящие органы СДЛК - ЦК, Заграничный Комитет, редакцию газеты "Циня" - в 1910/1911 году удалось устроиться и укрепиться ликвидаторам. "Заграничные ребята" в 1911 году приняли несколько резолюций, направленных против ликвидаторской деятельности Заграничного Комитета СДЛК. В сентябре 1911 г. они присоединились к протесту Брюссельской группы СДЛК против решения Заграничного Комитета разослать заграничным группам СДЛК только ликвидаторскую литературу, и одновременно осуждающему ликвидаторскую линию деятельности ЦК и ЗК СДЛК².

¹ Botho Brahmman. "Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895-1914", Berlin, 1962, S. 69.

² ЦПА ИМО, ф.438, оп.4, д.35871, стр.1.

Наиболее ярко свою большевистскую линию "Заграничные ребята" высказали в 1912 году в письме заграничным группам СДЛК: "Заграничные ребята" всегда стояли за принципы революционной социал-демократии... они на первое место ставят нелегальную социал-демократическую организацию, которая определяет и руководит политической и экономической борьбой латышского пролетариата, а легальные возможности мы признаем настолько, насколько они могут быть использованы для дела борьбы. Мы резко выступаем против ликвидаторства"¹.

Члены группы "Заграничные ребята" Я.Гипслис и Я.Герман постоянно поддерживали связь с В.И.Лениным. Я.Гипслис участвовал в совещании представителей большевистских групп, созванном В.И.Лениным в Париже в декабре 1911 года. Я.Гипслис на совещании представлял 3 группы - "Заграничных ребят", Гамбургскую и Бременскую. Задачей совещания была консолидация всех большевистских сил в партии, подготовка полного отмежевания от ликвидаторства, разработка новых форм организации заграничных групп партии.

После получения приглашения на совещание, упомянутые группы латышских социал-демократов отправили письмо в адрес Оргбюро совещания, в котором приветствовали созыв такого совещания и сообщали, что так как приглашение получено с опозданием, от латышских групп будет только один представитель².

На совещании Я.Гипслис прочитал доклад о положении в Западноевропейских группах СДЛК. Он подчеркнул, что латышские революционеры все время в своей деятельности руководствовались большевистскими принципами, в согласии с линией, намеченной "Рабочей газетой". Потом Я.Гипслис проинформировал совещание о количестве, численности, позиции западноевропейских групп СДЛК. Он особенно подчеркнул большую работу, проделанную в Берлинской группе "Заграничные ребята" по укреплению большевизма, о которой свидетельствуют принятые в 1911 году антиликвидаторские резолюции³.

¹ Партархив ИИП при ЦК КПЛ, ф. 15, оп. 2, л. 12, стр. 19.

² ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 7, л. 560, л. 1.

³ Там же, оп. 1, д. 73, л. 1.

Большую помощь, в том числе финансовую, латышским революционерам-эмигрантам оказал пролетариат Германии и Германская социал-демократическая партия. Первые пожертвования для поддержки участников революции 1905 года немецкие социал-демократы собрали и сдали еще в 1905 году, их продолжали собирать и весь 1906 год. Общая сумма пожертвований достигала 35700 марок¹.

Кроме финансовой помощи, немецкие социал-демократы помогали латышским революционным эмигрантам оформлять паспорта и др. документы, устраиваться на работу, предоставляли квартиры. Агент Заграничного Комитета СДЖ, упомянутый выше К. Зандерсон (Земитис) писал: "Всех выезжающих посылай, как и раньше, в редакцию газеты "Vorwärts", там каждому дается адрес, куда обращаться. С человеком, к которому направляет "Vorwärts", я имею тесную постоянную связь"².

Помощь разного рода латышским политическим эмигрантам оказывали и отдельные члены Германской социал-демократической партии. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях К. Зандерсон (Земитис), который около 6 лет проживал в Берлине и работал в бюро адвокатов братьев К. и Т. Либкнехтов. Благодаря протекции К. Либкнехта, К. Зандерсон работал под чужим именем и смог успешно выполнять партийные поручения³.

Секретарь Штутгартской группы 26 октября 1908 года неизвестному адресату пишет, что выдающаяся немецкая социал-демократка Клара Цеткин устроила двух латышских эмигрантов на работу и что впредь можно также рассчитывать на поддержку со стороны К. Цеткин⁴.

¹ Партархив ИИП при ЦК КПЛ, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 34.

² Там же, д. 8, стр. 81.

³ Государственная библиотека Латв. ССР, отдел редких книг и рукописей, ф. А 43, 1, стр. 1.

⁴ Партархив ИИП при ЦК КПЛ, ф. 2, оп. 1, д. 7, стр. 71.

Во взаимном сотрудничестве с социал-демократическими партиями западноевропейских государств латышские революционные эмигранты получили возможность повысить свое образование, коснуться главнейших проблем рабочего движения в Европе. В свою очередь, местные рабочие партии Западной Европы, деятельность которых протекала по сравнительно спокойному руслу реформ, ознакомились с боевым опытом Российской буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. и с другими формами активной борьбы рабочего класса, которые замалчивали оппортунистические теоретики II Интернационала.

Латышские революционные эмигранты в Германии получили не только политическое убежище, относительную личную безопасность, но и возможность продолжать активную революционную деятельность в несколько видоизмененных условиях, они установили широкие интернациональные связи с немецким пролетариатом, накопившим большой опыт легальной борьбы. Вследствие этого латышские социал-демократы в эмиграции накопили значительный опыт партийной работы, расширили свои знания теории марксизма, уточнили дальнейший политический курс партии. Эти знания, опыт, ясность путей и целей были ими умело использованы позже - после возвращения на родину - в борьбе за победу пролетарской Октябрьской социалистической революции.

ОБ ОДНОМ ОПОРНОМ ПУНКТЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО "ОСТФОРШУНГА" В БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ.

После поражения в первой мировой войне Германии пришлось на первых порах отказаться от политики "восточной экспансии" с позиции силы. Однако это совсем не означало отказа от захватнических планов в Восточной Европе вообще. Только теперь основной упор был сделан германским империализмом на идеологическую подготовку будущих территориальных притязаний. В этих целях была реорганизована прежняя система пропагандистских организаций и создан ряд новых институтов "остфоршунга" в восточных землях Германии. Так, еще в 1918 году в Бреслау был создан Восточноевропейский институт, в 1922 году в Кенигсберге — Институт по изучению экономики России и восточноевропейских стран, в 1923 году в Берлине — Русский исследовательский институт, в 1927 году в Данциге — Институт восточноевропейских стран и др. Характерным для деятельности этих центров империалистического "остфоршунга" являлась определенная специализация по странам. Например, институты в Бреслау и Данциге были нацелены в основном на "изучение" Польши, Институты Кенигсберга должны были заниматься вопросами СССР и прибалтийских буржуазных республик и т.д. Однако основным и общим в работе всех этих институтов были ярко выраженный антикоммунизм, реваншистские требования пересмотра восточных границ Германии, установленные Версальским мирным договором, и всесторонняя поддержка политической деятельности немецких национальных меньшинств в странах Восточной Европы.

В те же годы мы наблюдаем и некоторые новые явления в системе пропагандистских организаций германского империализма. Это, прежде всего, создание опорных пунктов "остфоршунга" вне самой Германии, на территории стран,

входивших в сферу интересов традиционной германской "восточной политики". В Прибалтике к таким опорным пунктам отослились созданное в 1921 году в Риге общество, позднее институт, Гердера и созданный в 1929 году в Тарту Институт научного краеведения при Лифляндском общепольном экономическом обществе (Institut für wissenschaftliche Heimatforschung)¹.

После установления в Германии в 1933 году фашистской диктатуры гитлеровские власти усилили всестороннюю подрывную работу в странах Восточной Европы. Для направления и координации деятельности институтов и опорных пунктов "остфоршунга" в конце 1933 года в Германии было создано Северовосточное немецкое исследовательское общество (с 1935 г. его переименовали в Северное и Восточное немецкое исследовательское общество) во главе с одним из ведущих послевоенных идеологов империалистического "остфоршунга" Альбертом Бракманом. Под руководством этого общества организации "остфоршунга" стали заниматься не только пропагандой экспансионистских целей "восточной политики" германского империализма, но и регулярно поставлять фашистской разведке различного рода информацию.

В настоящей статье предполагается рассмотреть некоторые вопросы истории и деятельности Института научного краеведения в Тарту, который был в 30-х годах весьма активным проводником идеологии империалистического "остфоршунга" в буржуазной Эстонии. К сожалению, архива этого института у нас не сохранилось. Однако, среди фондов различных прибалтийско-немецких организаций нами обнаружены отдельные отчеты, планы и другие документы, имеющие отношение к работе института. В распоряжении исследователя были научные труды сотрудников института, а также некоторые заметки об институте в периодической печати. Все эти материалы позволяют создать довольно полное представление об организационной структуре, кадрах, характере деятель-

¹ В некоторых работах наименование этого учреждения переведено как Институт научного изучения родины.

ности и связях института, вплоть до его упразднения в 1939 году в связи с переселением немецкого национального меньшинства на буржуазной Эстонки.

Первым документом, свидетельствующим о подготовке к созданию института является письмо профессора Тартуского университета Эдмунда Шпора президенту Лифляндского общепольного экономического общества Р.фон Анрепу от 22 февраля 1922 года. В нем профессор Э.Шпор, ссылаясь на имевшуюся ранее договоренность, просит обсудить вопрос о создании института научного краеведения на общем собрании членов общества. Одновременно в письме излагаются и некоторые практические вопросы. В частности, Э.Шпор подчеркивает мысль, что в научной деятельности создаваемый институт должен быть совершенно автономным¹. Документом, позволяющим установить время официального завершения создания института, является письмо вице-президента культурного управления немецкого национального меньшинства в Эстонии барона В.фон Врангеля от 14 декабря 1929 года, в котором сообщается, что накануне, т.е. 13 декабря, культурное управление одобрило создание института и просит представлять ему смету расходов института ежегодно не позднее января месяца². В сохранившихся документах не упоминается, почему Институт научного краеведения был создан при Лифляндском общепольном экономическом обществе. Можно, однако, предположить, что причиной такого решения явилось стремление избавить институт от необходимости заниматься административными и хозяйственными вопросами, которые отвлекли бы руководство от непосредственной научной деятельности, привели бы к увеличению штатов и к дополнительным расходам. В действительности институт имел самостоятельное руководство и отдельный бюджет, так что Лифляндское общепольное экономическое общество не оказывало никакого влияния на его научную деятельность.

¹ ЦГА ЭССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1394, л.1.

² Там же, л.14.

Средства для развития научной работы и других расходов Институт научного краеведения получал из разных источников. Как видно из вышеприведенного письма, одной организацией, финансировавшей деятельность института, являлось культурное управление немецкого национального меньшинства в Эстонии. Однако значительную долю средств институт получал из Германии. Так, в отчете о проделанной работе с 1 февраля по 25 декабря 1931 года указывается, что институту обещано из Германии до 31 марта 1932 года 2500 немецких марок, в счет которых в распоряжение института за 1934 год поступило уже 620 крон¹. В отчете о деятельности института за 1934 год содержится благодарность Министерству иностранных дел Германии, германскому посольству в Эстонии и Кенигсбергскому университету за действительную помощь². Следует предполагать, что и в последующие годы такая помощь институту со стороны различных германских учреждений продолжалась. Ведь существовавшие в гитлеровской Германии "Союз немцев за границей" и "Союз немецкого Востока" были для того и созданы, чтобы направлять и материально поддерживать идеологические организации немецких национальных меньшинств в странах Восточной Европы.

Определение задач Института научного краеведения содержится в различных, дошедших до нас документах. Однако наиболее четко они сформулированы в отчете о работе института за 1932 год. В нем говорится: "Исходя из авторитетного значения старой академической основы в Дерпте, являющейся традиционным очагом просвещения для будущих руководителей немецкой национальности в Эстонии и очагом сохранения и передачи балтийского духовного наследия, а также учитывая условия давления на нашу национальность и исключение немецких доцентов из Дерпского университета, перед вышеупомянутым институтом поставлены

¹ ЦГИА ЭССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1403, л.3.

² Там же, л.9.

следующие задачи: 1. Участие в научном изучении родины и способствование немецкой научной работе в Эстонии. 2. Подбор и обучение необходимого немецкого научного пополнения. Определение молодых ученых, поскольку это возможно, на работу в здешний университет в качестве приват-доцентов. 3. Участие в работе по повышению и усовершенствованию академического образования немецкой молодежи¹. Основными направлениями в работе института были намечены: изучение внутренней жизни немецкой национальной группы в Эстонии, исследование Прибалтики в целом и в ее связях с Германией и Скандинавией, а также с Россией². Решение этих задач должно было осуществляться как своими силами, так и в сотрудничестве с "братьями по племени из Латвии"³ и с научными организациями в Германии⁴.

Для практической работы в Институте научного краеведения первоначально были созданы четыре отдела: исторический, биологический, геологический и химический⁵. В 1933 году был создан правовой отдел⁶. Основным отделом института считался исторический. Особое отношение к этому отделу руководство института объясняло тем, что "работа в области исторических исследований является необходимой для сохранения, оценки и спасения нашей, находящейся в опасности, немецкой нации"⁷. Кроме отделов, при институте были созданы некоторые кружки и комиссии. Из них руководство особенно выделяло рабочий кружок по изучению наименований поселения и угодий. К работе этого кружка были привлечены лица вне Тарту, в том числе сотрудники Института краеведения Кенигсбергского университета⁸.

1 ЦГА ЭССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1403, л.5.

2 Там же.

3 ЦГА ЭССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1466, л.4.

4 Там же, ед.хр.1403, л.3.

5 Там же, лл.7 и 8.

6 Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1934. Riga, 3. 63.

7 ЦГА ЭССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1403, л.5.

8 Там же, л.3.

Директором Института научного краеведения на всем протяжении его существования был известный в Эстонии биолог и ботаник Эдмунд Шпор. До конца 1929 года он преподавал в Тартуском университете, а затем уволился и посвятил себя работе в институте. Интересно отметить, что в заявлении об увольнении из университета Э.Шпор пишет, что ему предоставляются лучшие условия труда и развития, но не указывает где ¹. Э.Шпор не относился к узким специалистам в области науки. Он принимал активное участие в общественной жизни местного немецкого общества, избирался в состав немецкого культурного управления, где он с 1930 года исполнял также обязанности консультанта по вопросам просвещения.

Штаты института были немногочисленными, в пределах 10-12 человек. Однако наряду с основными штатными сотрудниками к работе в институте были привлечены и некоторые ученые немецкой национальности на основании совместительства. Наиболее крупным был исторический отдел. В начале 30-х годов в нем работали такие, впоследствии известные историки как Георг фон Раух, Арвед фон Таубе, Хельмут Шпеер и некоторые другие. Исторический отдел поддерживал тесные связи с научными центрами в Кенигсберге. Его научными консультантами являлись такие известные кенигсбергские историки, как Ганс Ротфельс и Гейнрих Шаудин ², которые неоднократно бывали в Тарту. Заслуживает внимание и то, что научным руководителем рабочего кружка по изучению наименований поселений и угодий являлся также кенигсбергский ученый - профессор В.Цисмер ³. Из наиболее известных сотрудников других отделов института следует назвать геолога, приват-доцента Пауля Вильгельма Томсона, который наряду с научной деятельностью весьма активно пропагандировал основные положения расовой теории, юриста Вальтера Медера, психолога Рудольфа

¹ ЦГАИ ЭССР, ф.2100, оп.2, ед.хр.1123, л.120.

² Там же, ф.1185, оп.1, ед.хр.1403, л.2.

³ Там же, л.8.

Липиуса и др. Из сотрудников, работавших в институте по совместительству, заслуживает упоминания Гейнрих Лаакман - председатель общества старины в Пярну, много выступавший со статьями на исторические темы в местной и зарубежной печати.

Все сотрудники Института научного краеведения относились к наиболее радикально настроенным представителям немецкого национального меньшинства в Эстонии. Однако данные о принадлежности уже в те годы к национал-социалистской партии имеются только в отношении Г. фон Рауха. В автобиографии, написанной в годы войны, он указывает, что в 1933 году примкнул к нацистскому движению в Эстонии, принял участие в создании в Тарту национал-социалистской организации и был в ней заместителем крейслейтера I.

Значительное место в практической работе института занимала издательская деятельность. За время его существования было выпущено шесть томов научных сообщений и одиннадцать выпусков с трактатами. Заслуживает внимания, что все тома научных сообщений посвящены общественным наукам. На первый взгляд многие издания института носили весьма безобидный характер и за их заголовками не всегда угадывалась умелая пропаганда традиционных положений прибалтийско-немецкой историографии. Так, например, в монографии Х.Шпеера "Крестьянское образование в Эстляндской губернии. От конца XVIII века до начала русификации" чрезмерно возвеличиваются заслуги немецких помещиков и пасторов в организации школ для детей эстонских крестьян. Одновременно автор представляет в искаженном свете взгляды Г.Меркеля, И.Петри, А.Хупеля и некоторых других просветителей немецкой национальности, которые резко критиковали баронов-помещиков за их бездушное отношение к эстонским и латышским крестьянам. Особое раздражение Х.Шпеера вызывает известный эстонский общественно-политический деятель Кард Роберт Якобсон, который вел решительную борьбу против

I Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik und Westberlin, 3. Aufl. Berlin, 1968, S. 332.

господства немецких помещиков и выступал за дружбу между эстонским и русским народами. При этом Х.Шпеер пользуется весьма своеобразным приемом. Он не сам высказывается против политики К.Р.Якобсона, а приводит подборку из выступлений эстонских реакционно и пронемецко настроенных деятелей, которым позиция Якобсона была не по душе. Такой же тактики придерживался Х.Шпеер при оценке итогов реорганизации школьного образования. Правда, и заключение мы имеем возможность познакомиться и с именем самого автора. Х.Шпеер утверждает, что успехи в школьном образовании в XIX веке в Эстляндии были достигнуты прежде всего в результате сотрудничества между прибалтийскими немцами и эстонцами, но что начатое дело "было разрушено еще до того, как оно успело расцвести"¹. Под разрушением Х.Шпеер понимал, конечно, те правительственные меры, которые были направлены на подрыв влияния прибалтийских немцев на образование эстонского крестьянства.

К весьма занимательным выводам приходит Вернер фон Шульман в исследовании "Гражданские государственные служащие в Эстляндии в период шведского господства (1561 - 1710)". Касаясь событий, связанных с Северной войной и ее последствиями для эстонского народа, автор умалчивает о подлинных причинах, приведших к усилению крепостного права и утверждает, что еще большее закабаление крестьян немецкими помещиками является результатом боевых действий русских войск. Далее В.фон Шульман подчеркивает единство шведов и немцев в вопросах административной политики, а также в борьбе против Востока, т.е. России. Он пишет, что культурная общность шведов и немцев всегда "рассматривала восточную границу, как границу против чуждой национальности и чуждых форм жизни"². Однако, признавая общность интересов

¹ H. Speer. Das Bauernschulwesen im Gouvernement Estland vom Ende des achtzehnten Jahrhunderts bis zur Russifizierung. Abhandlungen des Instituts für wissenschaftliche Heimatforschung 2/3. Tartu, 1936, S. 498.

² W. v. Schelmann. Die zivile Staatsbeamtenschaft in Estland zur schwedischen Zeit (1561-1710). Abhandlungen... 6. Dorpat-Posen, 1939, S. 159.

в борьбе против Востока, автор тут же поясняет, что несмотря на присутствие шведов и большинства ненемецкого населения, Прибалтика является страной немецкой культуры I.

Многие сотрудники Института научного краеведения публиковали свои работы не только в Тарту, но и в других городах Эстонии, а также в Латвии и Германии. Пожалуй наиболее часто печатались вне изданий института статьи Г. фон Рауха. Так, в книге Р. фон Энгельгарда, посвященной роли Тартуского университета в идеологической жизни прибалтийского немецчества, изданной в 1933 г. в Таллине, помещена статья Г. фон Рауха о шведской предистории университета. В этой статье проводится мысль о значимости создания университета как просветительского центра, который должен был вернуть Прибалтику после ее отрыва от России в сферу германо-протестантской культуры II. В другой статье - "Из научной жизни шведского университета в Дерпте", опубликованной в 1936 г. в Риге, Г. фон Раух стремился приуменьшить значение влияния России в Прибалтике и показать русских как разрушителей гармонического развития Эстляндии и Лифляндии. Поражение шведов в Северной войне и присоединение Эстляндии и Лифляндии к России Раух характеризовал как уничтожение цветущей жизни в этих провинциях, в которых, по его словам, сохранилось только "беспримерное отчаяние" III. Безусловно заслуживает внимания и статья Г. фон Рауха "Эстонская народная культура и немецкий помещик и пастор", опубликованная в печатном

I W.v.Schulmann. Op.cit., S.160.

2 G.v.Rauch. Zur schwedischen Vorgeschichte der Universität Dorpat. In: R.v.Engelhardt. Die deutsche Universität Dorpat in ihrer geistlichen Bedeutung. Reval, 1933, S.19.

3 G.v.Rauch. Aus dem wissenschaftlichen Leben der schwedischen Universität Dorpat. In: Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga 1934. Riga 1936, S.141.

органа Северного и Восточного немецкого исследовательского общества, в журнале "Йомсбург". Заголовок статьи предполагает анализ развития эстонской культуры, или хотя бы ее основных направлений. Однако ничего такого в статье нет. Г. фон Раух приводит несколько, совершенно не характерных, примеров благосклонного отношения помещиков к своим крестьянам, из чего можно создать неправильное представление о подлинных взаимоотношениях между господами и покоренным народом в Прибалтике¹. Из других сотрудников института, печатавшихся за пределами Эстонии, можно назвать Г. Лаакмана. В статье "История основания города Риги", опубликованной в альманахе "Прибалтийские страны", издаваемом А. Браманом, К. Энгелем и Р. Виттрамом, автор стремится доказать "чисто немецкое происхождение" внешней столицы Советской Латвии. Все его усилия направлены на убеждение читателей в том, что никакой донемецкой Риги не было и что никакие поселения ливов не являлись "зародышами или элементами немецкого города Риги"².

Наряду с научной работой, сотрудники института много выступали с лекциями и докладами в местных немецких организациях, перед учителями, студентами и другими представителями интеллигенции. Так, например, в 1935 году большинство лекций на курсах, устроенных обществом немецких учителей в Эстонии, было прочитано работниками института научного краеведения. Из отчета об этих курсах видно, что профессор Э. Шпор в лекции о преподавании в школе естествознания сделал упор на воспитание любви к родине и формирование индивидуализма человека в жизненном пространстве. П. В. Томсон в лекции о происхождении человека обратил особое внимание на образование северной и других рас. Наибольший интерес представляет, однако, изложение содержания лекции Г. фон Рауха о задачах преподавания истории в воспитатель-

¹ G. v. Rauch, Die estnische Volkskultur und der deutsche Gutsherr und Pastor. - "Jomsburg", H. 4, 1937.

² H. Laakmann, Die Gründungsgeschichte Rigas. - "Baltische Lande", Bd. 1. Leipzig, 1939, S. 352.

ной работе среди учащихся. Раух подчеркнул большое значение истории для формирования характера и мировоззрения молодежи, в результате чего этот предмет имеет гражданское и государственное значение. Поэтому историю надо преподавать, по мнению докладчика, в тесной связи с географией, языками и законом божьим. Главное внимание должно быть уделено вопросам истории Германии, а также истории Швеции, Дании и Польши. Обучение школьников истории прибалтийских стран следует проводить в рамках общеевропейской истории. Что же касается истории новой России, так Раух назвал историю СССР, то она не заслуживает, по его мнению, подробного изучения ¹.

Много лекций институт научного краеведения организовал в т.н. Дерптском обществе помощи высшей школе. Наряду с сотрудниками института там выступали также приезжие ученые из Германии. Тематика лекций была довольно разнообразная, однако, в большинстве из них затрагивались, в той или иной мере, вопросы, связанные с идеологией, а также с "особым положением" немецкого национального меньшинства в Прибалтике. Так, директор института Э.Шпор прочитал в этом обществе лекцию "Учение о наследственности и расовая гигиена", профессор Г.Ротфальс (Кенигсберг) - "История как судьба", проф. Ф.Бэтген - "Юго-восток и северо-восток в средневековой истории Германии", проф. В.Цисмер (Кенигсберг) - "Проблемы изучения народности" и т.д. ². Работники института выступали с лекциями также за границей. Сохранились данные о таких выступлениях Х.Шпеера и Г.фон Рауха в Риге, Э.Шпора в Германии и Риге ³.

Интенсивно работали различные кружки при институте научного краеведения. Так, рабочий кружок по изучению наименований поселений и угодий занимался на протяжении ряда

¹ ЦГАОР СССР, ф.85, оп.5, ед.хр.180, лл.9-18.

² Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1934, Riga, S.63.

³ ЦГАА СССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1466, л.4.

лет составлением дорожной карты Эстонии с географическими и административными наименованиями на немецком и эстонском языках I.

В конце 1932 года при институте был создан кружок по изучению России. В информационном сообщении о его создании говорилось, что кружок объединяет юристов, историков, богословов и экономистов, которые ставят своей целью "всестороннее изучение современной России, проявлений ее духовной жизни и их происхождения". Далее, в информационном сообщении подчеркивается значимость изучения Советского Союза, к которому проявляется большой интерес в политических, идеологических и экономических кругах Запада. Отсутствие научно обоснованной информации о России предполагает создание контактов с лицами и ведомствами, которые интересуются русским вопросом. Без этого успешная работа невозможна. Организационный комитет кружка возглавляли Э.Шпор, В.Медер и А.фон Таубе. К сожалению, никаких дополнительных данных о деятельности этого кружка пока обнаружить не удалось. Однако само создание кружка свидетельствует о расширении деятельности института научного краеведения за пределы прибалтийской тематики и его привлечении к более широкому выполнению задач в рамках империалистического "оффшоринга". Можно предполагать, что в результатах работы кружка по изучению России были заинтересованы не только научные инстанции.

В октябре 1939 года А.Гитлер "призвал" немцев из Эстонии и Латвии покинуть Прибалтику и приступить к выполнению новой "исторической миссии" на землях Польши, оккупированных фашистской Германией в ходе второй мировой войны. В связи с этим в Эстонии началась ликвидация всех многочисленных организаций немецкого национального меньшинства. В октябре 1939 года прекратил свое существование и институт научного краеведения, а все его сотрудники покинули Эстонию. Заключительный отзыв о работе этого опорного

I ЦИА СССР, ф.1185, оп.1, ед.хр.1466, л.4.

...ункта империалистического "остфоршунга" в буржуазной Эстонии был дан на страницах журнала "Йомсбург". В редакционной статье (подпись автора отсутствует) давалась высокая оценка деятельности института, положительно отмечалась его посредническая роль между немецкой наукой и жизнью прибалтийских немцев в Эстонии. Интересным является определение сущности назначения института, данное в статье и сформулированное следующими словами: "Направление, ценность и значение исследовательской работы определялось основами органического мировоззрения. Эта работа осуществлялась в товарищеском духе, в непоколебимой вере в будущее Германии и в возвышенном чувстве ответственности за доверие сражаться на выдвинутых вперед позициях" ¹.

Большинство бывших сотрудников института научного краеведения после выезда из Эстонии обосновалось в Познани, переименованной гитлеровцами в Позен. Вскоре, на базе научных кадров бывших идеологических учреждений прибалтийских немцев, в этом городе был образован новый крупный центр фашистского "остфоршунга". В марте 1941 года в Познани по распоряжению Г. Геринга было создано "имперское ведомство германского остфоршунга" ², а в апреле этого же года было широко объявлено об открытии "имперского университета Позен". В приветственных речах по поводу открытия университета подчеркивалось, что он должен стать "форпостом великогерманской империи на страже на Востоке" и что его открытие является "эпохальным краеугольным камнем в дальнейшем развитии культурного покорения этого старого немецкого жизненного пространства" ³. Безусловно, заслуживает

¹ Das Ende des Institut für wissenschaftliche Heimatforschung. — "Jomsburg", H.1/4, 1940, S.289.

² "Jomsburg", H.1, 1941, S.117.

³ J.Kalisch, G.Voigt, Reichsuniversität Posen, In: Juni 1941. Berlin, 1961, S.188.

в этой связи упоминания приветственная речь бывшего сотрудника рижского института Гердера Рейнгарда Виттрама, которую он произнес от имени бывших прибалтийских немцев. В ней Р.Виттрам дал клятву и впредь бороться за интересы германского фашизма, провозгласив торжественно: "Итак, наш взгляд направлен на фюрера, которому мы всегда будем отдавать сокровища наших знаний, всю нашу волю к труду и все наше сердце" ¹.

Как и следовало ожидать, бывшие сотрудники института научного краеведения были быстро использованы по назначению. Э.Шпор был привлечен к организационной работе по подготовке открытия нового университета в Познани, а затем работал там преподавателем. После войны он жил в Западной Германии, где и умер в 1964 г. Г.фон Раух занимался первое время издательской деятельностью, а затем также преподавал в университете. В автобиографии Г.фон Раух отмечает свое участие в создании местной нацистской партийной организации ². Послевоенная деятельность Г.фон Рауха, профессора Кильского университета, не нуждается в подробной характеристике. Он безусловно является одним из ведущих и наиболее антикоммунистически настроенных "остфоршеров" ФРТ, много пишет о СССР и часто касается в своих работах прибалтийской тематики. Его основным трудом в этой области является история буржуазных республик Прибалтики ³. Х.Шпеер возглавлял в Познани "Родовой центр земли Позен", а после войны работал в Западной Германии. Профессор П.В. Томсон в период войны активно сотрудничал с фашистскими органами по германизации народов Восточной Европы. В 1942 году он посетил Прибалтику и в отчете, фигурировавшем на процессе над главными военными преступниками в Нюрнберге, сформулировал свои выводы о будущем местного населения

¹ J.Kalisch, G.Voigt. Op.cit., S.188.

² Braumbuch..., S.332.

³ G.v.Rauch. Geschichte der baltischen Staaten. Stuttgart. Berlin, Köln, Mainz, 1970.

следующими словами: "Эстонцы, латыши и литовцы должны к нам приспособиться, или же погибнуть" ^I. После войны П.В.Томсон проживал в Бонне и умер в 1957 году. В.Медер работает в Западном Берлине профессором местного университета. Он один из очень немногих выходцев из Прибалтики, которые уже несколько лет тому назад высказывались за признание правительством ФРГ границ по Одеру и Нейссе.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что Институт научного краеведения сыграл значительную роль в объединении наиболее активных и реакционных сил немецкого национального меньшинства в Эстонии. Его деятельность, пользовавшаяся материальной поддержкой немецкого культурного управления и ряда учреждений Германии, подтверждает наглядно приверженность руководящих кругов прибалтийских немцев к политическим и идеологическим целям германского империализма. Для сотрудников время пребывания в институте было не только периодом личного участия в пропаганде прибалтийско-немецкой идеологии, но и школой приобщения к формам и методам империалистического "остфоршунга". Опыт, приобретенный бывшими сотрудниками института в довоенные годы, выдвинул большинство из них в ряды известных "восточных экспертов" гитлеровской Германии и реваншистских организаций ФРГ.

I A.Vaarandi. Nürnbergi protsessi dokumendid kõnelevad. "Minevik ja tänapäev". Tallinn, 1960, lk.160-161.

ОСТЗЕЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ЗАКОН 9 ИЮЛЯ 1863 г.¹

Особенность прибалтийско-немецкой историографии составляет апологизация взглядов и деятельности немецких дворян прибалтийских губерний. Немецкие дворяне, нещадно эксплуатировавшие латышских и эстонских крестьян, изображаются в работах прибалтийско-немецких историков в роли борцов за интересы всего населения Прибалтийского края. Один из основоположников концепции "Kulturkampf" А.Тобин борьбу дворянства за свои привилегии прямо отождествлял с защитой прав коренного населения Прибалтики².

Собственно говоря, это и было подлинной целью последней из его больших работ, призванной, по словам самого Тобина, ответить на вопрос, осуществляли ли дворяне политику сословия или политику всей земли (Standes- oder nicht vielmehr Landepolitik)².

Судить о том, чьим же интересам служила политика остзейских дворян, можно лишь изучая различные аспекты их деятельности. Чрезвычайно показательным в этом смысле отношением дворянства к правовому положению крестьян, составлявших в середине XIX в. абсолютное большинство латышей и эстонцев. Цель настоящей статьи в том и состоит, чтобы проследить отношение остзейских дворян к праву крестьян на передвижение, элементарнейшему из прав,

1 Правила о порядке увольнения во временные отлучки членов крестьянских, в Остзейских губерниях, обществ, и о порядке перечисления их в другие общества (Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (далее - ППСЗ). СПб., т.38, № 39849).

2 A.Tobien. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Bd.1-2. Riga-Berlin, 1925-1930, Bd.2, S.315-316.

3 Там же, т. I, стр. XV.

непосредственно связанных с возможностью выбора местожительства и работы.

До 1863 г. в Прибалтийском крае вопросы переселения крестьян в другие губернии, их перечисления из одного общества в другое в пределах той же губернии, а также увольнения во временные отлучки в основном регулировали крайне стеснительные условия законов 1816-1819 гг. об освобождении крестьян.

Усиление классовой борьбы на рубеже 50-х - 60-х гг. и все более нараставшая тяга крестьян Прибалтийского края к переселению в другие губернии, как и поток жалоб "на препятствия в получении временных видов на отлучки и в дозволении переселяться в другие губернии"¹, привлекли внимание высших сфер столицы. Александр II в замечании по докладу Лифляндского губернатора (октябрь 1860 г.) предлагал "...сообщить, не признаете ли полезным, сделать распоряжения о подтверждении крестьянам Лифл. губ. условий, на которых они могут быть допущены к переселению"².

Немалое количество прошений поступило на имя брата царя, Константина Николаевича. Препровождая полученные им бумаги министру внутренних дел С.С.Ланскому, Константин Николаевич писал: "Из дел МВД Вам весьма хорошо известно, что в просьбах помянутых крестьян есть некоторые справедливые жалобы и заслуживающие внимания домогательства"³. Аналогично судил и сам Ланской. В переписке с прибалтийским генерал-губернатором А.А.Суворовым он называл оправданным многое из того, что содержали 18 прошений, переданных на его имя в конце 1860 г.⁴

1 Центральный государственный исторический архив СССР (далее - ЦГИА СССР), ф. 1149, оп. У1, 1863 г., д. 14, л. 65 (доклад по Департаменту общих дел от 15 января 1863 г.).

2 Там же, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, л. 1.

3 Там же, д. 54, л. 74 (1 марта 1861 г.).

4 Там же, лл. 24-26 (24 декабря 1860 г.).

Справедливо усмотрев в переселенческих тенденциях крестьян протест против системы аграрных отношений и страшая нарастания этих тенденций, правительственные круги консервативного направления, как всегда, искали выход в паллиативных мерах. К числу таких мер они относили и некоторое облегчение условий передвижения крестьян. Актуальность вопроса фиксировало и одно из трех предписаний Александра II Суворову 15 ноября 1860 г., данное сразу после утверждения им Положения о крестьянах Лифляндской губернии. В нем предлагалось: "Постоянно иметь в виду необходимость предоставить крестьянам вверенного ему края свободный, по исполнению установленных законом условий, переход в другие губернии, без всякого ограничения числа переселяющихся и за тем, по собрании необходимых по сему предмету сведений, войти о том с особым представлением установленным порядком"¹.

Вывод о непогодности старых установлений разделял также П. А. Валуев, ближайший единомышленник царя по основным вопросам правительственной политики в прибалтийских губерниях, пришедший в 1861 г. к руководству Министерством внутренних дел². Решимость Валуева произвести реформу, по его собственному признанию, созрела под влиянием крупного переселения крестьян Прибалтийского края в Самарскую губернию³.

1 ЦГА СССР, ф. 1149, оп. У1, 1863 г., д. 14, л. 65. По действовавшему к тому времени закону, число переселявшихся в течение года в каждой волости не могло превышать 5% мужчин возраста свыше 14 лет. Если желающих было больше, вопрос решался при помощи жребия.

2 23 апреля 1861 г. Валуев занял место управляющего Министерством внутренних дел. Утверждение министром состоялось 9 ноября 1861 г.

3 ЦГА СССР, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, лл. 59, 61 (отношение Суворову от 19 июня 1861 г.). О переселенческой волне 1859-1860 гг. из Лифляндской губернии: М. Kozins. *Zemnieku kustiba Latvija XIX g.s. 60. gadov.* Riga, 1958, 68.-81. lpp.

Вскоре после того, как Валуев возглавил министерство, он в специальном отношении (19 июня 1861 г.) напомнил Суворову о предписанной царем отмене лимита для желающих переселиться в другие губернии и заодно предложил "изменить и некоторые другие существующие местные узаконения, препятствующие свободному передвижению остзейских крестьян как при переселении их в другие местности, так и при получении ими паспортов для временных отлучек из своих обществ" ¹.

Сообщив таким образом о неотвратимости реформы и предложив разработать соответствующий проект, Валуев сам же выделил недостатки, устранение которых считал обязательным ².

Местные законы, по мнению Валуева, отличала много-сложность, запутанность и неопределенность формулировок что благоприятствовало произвольному решению вопросов к выгоде тех, кто был заинтересован в прикреплении батраков к волости. К таким нечетким определениям Валуев относил, например, право отказать во временной отлучке под предлогом недостатка рабочей силы в волости. Как отмечал Валуев, такое право восстанавливало крепостную зависимость батраков, "мешало установлению справедливых вольнонаемных цен, мешало батракам прискивать работу на выгодных условиях" ³.

1 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, л. 56.

2 Поскольку за 2 года, пока шла разработка реформы, критика Валуевым отдельных аспектов старых правил существенно не менялась, считаем возможным его замечания рассмотреть в совокупности, используя, кроме отношения Суворову, и другие материалы, в частности, доклад по Департаменту общих дел от 15 января 1863 г. с заключением министра и материалы, представленные в Остзейский комитет (ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. У1, 1863 г., д. 14, лл. 65-66, 72-79).

3 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, л. 61.

Наряду с правовой, Валуев выделял и материальную сторону проблемы - значительность средств, необходимых для переселения. В материалах, представленных министерством на рассмотрение Остзейского комитета, упоминалась обязанность переселявшихся "предварительно рассчитаться окончательно с прежним обществом и помещиком по всем казенным и частным платежам, долгам и недоимкам и сверх того обеспечить средства к существованию оставляемых ими в прежнем обществе дряхлым и беспомощным членам своего семейства"¹. Даже для получения дозволительного вида на временную отлучку, крестьянин, указывалось далее, "...должен уплатить или обеспечить лежащие на нем подати за год вперед"². Неоправданным Валуев считал также требование, чтобы желающий переселиться предупреждал о своем намерении не позднее 10 ноября, не имея к тому времени обычно никаких гарантий в отношении нового места поселения. К тому же сроку надлежало урегулировать все обязательства перед волостью и частными лицами, предъявить справку об уплате всех налогов и долгов, а равно и расторгнуть арендные и трудовые контракты, что влекло за собой невероятные трудности, поскольку само перечисление допускалось лишь примерно через полгода, в Юрьев день (23 апреля)³.

Суворов, получив в 1861 г. распоряжение подготовить проект паспортной реформы, оказался в весьма неkotливом положении. Не далее, как в сентябре 1860 г., он официально заверял, будто "желающие переселиться не встречают со стороны помещиков и властей никаких препятствий в исполнении своего желания, если только оно согласно с условиями, постановленными на сей

1 ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. У1, 1863 г., д. 14, л. 72 (журнал Остзейского комитета от 18 декабря 1862 г.).

2 Там же.

3 Там же, лл. 72-73. В этих материалах преимущественно рассмотрены законоположения Лифляндской и Эстляндской губерний.

предмет в законах"¹. Тогда же он осмелился утверждать, будто стремление "к выселению из здешнего края есть не более как преходящее заблуждение"².

Между тем генерал-губернатору было доподлинно известно, что переселенческие тенденции коренятся в недовольстве местными условиями и представляют собой совсем не мимолетное явление. Он и лично пытался пресечь их в августе 1860 г. путем расправы, произведенной над "заблуждавшимися" крестьянами Вырусского уезда, изъявившими желание переселиться³. Теперь, имея прямое задание Валуева решить вопрос на основе реформы, Суворов не смел уклониться от его исполнения и уже осенью 1861 г. подготовил проект "Правил о новом порядке выдачи паспортов на отлучку крестьянам Остзейских губерний и перечисления их в другие общества"⁴, включив в него идеи, высказанные прежде Валуевым. При этом Суворов просил, чтобы право окончательного заключения по проекту реформы осталось за дворянством края⁵. В ноябре 1861 г. Валуев одобрил проект и вынул также просьбе Суворова, потребовав только, чтобы дворяне дали свое заключение не позднее февраля 1862 г.⁶.

Прямое участие Валуева и Суворова, постоянных покровителей остзейских дворян в разработке проекта - достаточно верная гарантия ограниченности намечавшихся мер. Тем показательнее, что строптивость остзейского дворянства, обязательная при любом, хотя бы самом робком начинании, не преминула сказаться и здесь. Только эстляндские дворяне без

1 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, л. 29.

2 Там же.

3 A. Tobien. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert, Bd. 2, Berlin, 1911, S. 248.

4 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, лл. 88-116.

5 Там же, ф. 1149, оп. VI, 1863 г., д. 14, л. 73-74.

6 Наиболее важная поправка Валуева касалась предложения Суворова сохранить за помещиками право участия в решении вопроса о выдаче крестьянам вида на отлучку (Entlassungsschein).

особых дискуссий приняли на ландтаге предложенный им проект. Дворянство Лифляндии оказалось менее покладистым. Коллегия ландратов (ноябрь-декабрь 1861 г.) оспаривала необходимость новых мер вообще. Ландтаг 1862 г. действовал осторожнее. Ландмаршал А.Эттинген, опасаясь, что вопрос, в случае прямого противодействия дворян, будет решен без их участия, призывал не уклоняться от преобразований¹. Однако большей части мер, предусмотренных проектом, как Эттинген, так и ландтаг все равно противились.

Непримиримее всех вели себя в отношении проекта Валуева-Суворова курляндские дворяне. Испытывая наибольшую в пределах Прибалтийского края нужду в рабочей силе, они не спешили выполнить даже первую из поставленных Валуевым задач - не позднее февраля 1862 г. дать заключение о проекте. Ландтаг был созван после истечения этого срока, в марте. Еще более открытой демонстрацией того, что требование министра ландтаг для себя совсем не считает обязательным, явилось отклонение проекта.

Некоторые из присутствовавших на ландтаге, учитывая настоятельный тон требований "сверху" и ничтожность этих требований по содержанию, не видели смысла в безоговорочной оппозиции и предпочитали поиски соглашения на выгодных для себя началах. К такому подобию компромисса их особенно побуждала острота социальных конфликтов внутри губернии. Взгляды этой части дворян на ландтаге отстаивал К.Рекке. Лидер курляндских либералов, к тому времени еще крейсмаршал, не помышлял о далеко идущих уступках. Напротив, ряд положений проекта и он считал чрезмерно радикальными. Но, исходя из указанных причин, Рекке убеждал участников ландтага решить вопрос так, чтобы, спасая самое дорогое - немецко-протестантский характер губернии (des

1 Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (далее - ЦГИА Латв.ССР), ф.214, оп.2, д.282, л.474 (Abschiedsrede des Landmarschalls).

Landes), уступить в частном¹.

Несмотря на обстоятельность аргументов крейсмаршала², за ним пошло меньшинство. Большинство согласилось с помещиком Бером из Эдоле и в результате голосования 6 марта отклонило проект генерал-губернатора³.

В. Ливен, незадолго до того (в конце 1861 г.) назначенный генерал-губернатором, был немало смущен таким исходом⁴. Но практических мер к тому, чтобы заставить курляндских дворян отступить, он не принимал. Настойчивее действовал Валуев. Под его давлением Комитет рыцарства постановил повторно обсудить на ландтаге проект правил⁵.

Однако и после нового вмешательства министра согласие курляндских дворян было получено далеко не сразу. Потребовался созыв приходских инструкционных съездов (осень 1862 г.), а затем и еще одного ландтага (1862/63), пока, наконец, проект правил был принят⁶. Основная причина происшедшей эволюции раскрыта в циркулярном письме Рекке I Acten des extraordinairen Kurländischen Landtags vom

Jahre 1862, S. 46.

2 Рекке ссылался и на такой довод, как готовность ландтагов Эстляндии и Лифляндии уступить (там же, стр. 37).

3 Acten des extraordinairen Kurländischen Landtags vom Jahre 1862, S. 3, Landtagschluss vom 6. März 1862

Сообщая К. И. Палену в Петербург о победе, одержанной в ландтаге, Бер писал 12 марта: "Полагаю, что Рекке, преклоняющийся перед "либеральным прогрессом" и придающий излишне большую важность лифляндским стремлениям, намеревался умертвить нашу реакционную партию (как он ее назвал). Он забыл, однако, что таким образом наносит вред всей земле (dem ganzen Lande)" (ЦГА СССР, ф. 1016, оп. I, д. 38, л. 7).

4 ЦГА СССР, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, л. 130 (письмо Валуеву от 6 марта 1862 г.); там же, ф. 1149, оп. VI, 1863 г., д. 14, л. 74 (письмо Валуеву от 15 апреля 1862 г., упоминаемое в журнале Остзейского комитета).

5 ЦГА Латв. ССР, ф. 640, оп. I, д. 1839, л. 43-44 (письмо Валуева Ливену от 21 апреля 1862 г.).

6 Kurländischer Landtag 1862/63, Landtagsacten. 2. Termin, S. 3.

попечителям церковных приходов (20 марта 1863 г.). Новый предводитель дворянства не делал секрета из того, что решение ландтага принято под впечатлением крайне напряженной обстановки в Курляндии (революционная ситуация была близка в это время к своей кульминации), а также, ввиду мер, предпринятых правительством в западных губерниях¹.

Получив, наконец, с почти годичным опозданием ответ из Курляндии, Валуев дал делу ход и очень скоро выяснилось, что проект, с которым остзейское дворянство не сразу согласилось, считая предусмотренные в нем уступки чрезмерными, столичные учреждения, напротив, признали черезчур ограниченным. Уже Остзейский комитет, первым обсудивший проект, внес к нему ряд поправок.

Нет необходимости напоминать, что представлял собой Остзейский комитет, чьи функции, как правило, сводились к тому, чтобы проштамповать предложения, поступавшие от дворян Прибалтийского края. Тем примечательнее, что на сей раз члены Остзейского комитета позволили себе чему-то воспротивиться. Внесенные ими поправки предусматривали перенести срок для объявления о переходе в другие общества с 10 ноября на 2 февраля, отклонить притязания помещиков на непосредственное участие в выдаче паспортов, снизить возрастной ценз для переселяющихся мужчин, членов крестьянских волостных обществ с 25 до 21 года, уменьшить паспортный сбор с 4-х до 3-х рублей².

Из Остзейского комитета проект Правил 15 января 1863 г. был передан в Государственный совет. Последовало два заседания Соединенных департаментов законов и экономии Государственного совета. Они состоялись в феврале и привели к новым неприятностям для остзейцев. В ходе обсуждения вопрос, " не следует ли сообразить (проект. - М.Д.)

1 ЦГИА Латв.ССР, ф. 640, оп. I, д. 1839, л. 190.

2 ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. У1, 1863 г., д. 14, лл. 75-77 (журнал Остзейского комитета от 18 декабря 1862 г.)

с положениями 19 февраля, с тем, чтобы такое соображение означенного проекта было сделано в государственной канцелярии по отделению дел об устройстве сельского состояния, в коем сосредоточены все дела, до сего предмета относящиеся"¹. Сторонники такого мнения, а они оказались в большинстве, утверждали, что "крестьяне остзейских губерний должны почитаться свободными сельскими обывателями и пользоваться одинаковыми правами со всеми свободными сельскими обывателями", а поэтому, мол, "нет оснований не применять к ним статьи 29, 30 общего Положения 19 февраля 1861 г."². Явно желая уязвить "культуртрегеров", противники разработки особого закона для Прибалтийского края далее указывали: "Ни в интересах крестьян остзейских губерний, ни в интересах правительства не может быть нужды в каких-либо особых правах или мерах ограничения потому, что крестьяне тех губерний, в течение 40 лет с лишком по освобождении находившиеся под попечительством просвещенных остзейских помещиков, конечно, настолько развиты и привыкли к свободе, что не употребят во зло тех прав, которые правительство не усумнилось предоставить без всякого к пользованию оными приготовления крестьянам всех прочих губерний немедленно по освобождению"³.

Неудовлетворенность участников обсуждения распространялась и на отдельные пункты проекта. Особенно выделялся в проекте § 19 "О временных мерах в случае появления между крестьянами Остзейских губерний стремления к переселению целыми массами на казенные земли в другие губернии". Смысл этого параграфа очевиден. Задуман он был в расчете искоренить тягу крестьян к переселению при помощи палочных мер. Тушанное выражение "целыми массами" этому очень благоприятствовало. Обратили на него внимание и участники обсуждения. В их замечаниях говорилось: "При неопределенности

1 ЦГА ССРС, ф. II 49, оп. У I, 1863 г., д. I 4, л. 93.

2 Там же, л. 95.

3 Там же.

выражений, употребляемых в § 19 для случая, когда эти временные меры могут быть принимаемы, они могут получить весьма широкое применение"¹. И далее: "За обнаружившееся стремление к переселению в большом числе"² может быть выдано и желание, изъявленное лишь несколькими семьями.

Окончательное заключение большинства по проекту в целом гласило: "Проект поручить Государственной канцелярии по отделению устройства сельского состояния сообразить с положением 19 февраля 1861 года"³. Предполагалось, что проект затем будет передан министру внутренних дел и далее на рассмотрение соединенного присутствия Главного комитета об устройстве сельского состояния и департаментов законов и экономии Государственного совета"⁴.

Таким образом, довольно неожиданно возникла угроза разработки закона на основаниях, общих для всей страны. Этой ситуации остзейцы всегда опасались более всего. Дело явно выходило далеко за пределы вопроса о праве крестьян на передвижение. Реакция, как и следовало ожидать, была мгновенной. В столицу тут же прибыли предводители дворянства всех трех губерний и вместе с ними В.Ливен. Действуя по испытанной системе персонального воздействия на влиятельных лиц, они добивались одной аудиенции за другой и везде внушали мысль о принципиальной неприемлемости решения Соединенных департаментов. "Если это хотя бы один раз произойдет, возникнет прецедент на будущее"⁵ - так без всяких околичностей формулировал свою позицию П.Ливен.

1 ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. У1, 1863 г., д. 14, л. 82 (замечания по проекту правил).

2 Там же, л. 82-83.

3 Там же, л. 96.

4 Там же.

5 ЦГИА Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 150 J, л. 303 (беседа с председателем Государственного совета П.П. Гагариным) О деятельности ландмаршала в Петербурге в апреле 1863 г. там же лл. 251-258, 330.

Царочито подчеркивая лояльность к самодержавию и пользуясь трудностями царизма, в связи с польским восстанием 1863 г. и волнениями крестьян, остзейские дворяне добились поддержки Александра II, Валуева и других консервативно настроенных лиц. Как сообщил впоследствии П. Ливен лифляндскому ландтагу 1864 г., царь сразу же заявил: "Не беспокойтесь господа ва дальнейшее развитие этого дела. Я сам позабочусь о нем"¹. Александр II сдержал свое слово, и соотношение сил немедленно изменилось в пользу остзейцев.

Государственный совет отклонил процедуру дальнейшего рассмотрения проекта правил, предложенную Соединенными департаментами. Признав, что компетенция Главного комитета распространяется лишь на губернии, где действует Положение 19 февраля, Государственный совет предложил совместному собранию Соединенных департаментов и Остзейского комитета повторно обсудить вопрос. "Блестящая победа в Государственном совете"², - так оценил происшедшее П. Ливен. Излагая ход заседания, он далее писал: "Заключение меньшинства Соединенных департаментов прошло без голосования. Заключение большинства получило лишь слабую поддержку. Почин сделал Долгоруков своим коротким немотивированным разъяснением, что вопрос о правилах для паспортов и перечисления в Остзейских губерниях не должен поступить в Главный комитет. Было ясно, что такова Высочайшая воля, и все молчали"³.

Остзейцы одержали победу на важнейшем для них направлении. Они отстаивали особый порядок законодательства⁴. Но по

1 ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 283, л. 161.

2 Там же, ф. 4038, оп. 2, д. 150^ф, л. 254.

3 Там же.

4 Предотвратив обсуждение в Главном комитете, остзейские дворяне впоследствии в сходных ситуациях ссылались на данный казус. Пользуясь такой ссылкой, они, например, отвергли попытку в 1865 г. рассмотреть в Главном комитете проект реформы о вознаграждении арендаторов (ЦГИА Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 150^ф, л. 401).

конкретному содержанию правил им пришлось отступить еще раз. При повторном обсуждении в Соединенных департаментах (18 мая 1863 г.)¹ и на общем собрании Государственного совета (3 июня 1863 г.)² в проект Правил был внесен ряд поправок, причем представители оставшихся дворян согласились с ними без попыток сопротивляться. Наиболее значительным можно считать отказ от условий, обозначенных в § 19. Разъясняя причины происшедшей эволюции взглядов, предводители дворян уверяли, будто временные меры, на которых они все время настаивали, "были вызваны давно минувшими обстоятельствами" и при новых условиях в них "нет необходимости"³. С "хорошей миной при плохой игре" им пришлось смириться и с рядом других поправок, которые первоначально совсем не принимались в расчет.

На этом и завершилась подготовка закона о правилах выдачи паспортов и перечисления крестьян в другие общества. Исправленный проект был утвержден царем 9 июля 1863 г. Инициатива изменений исходила "снизу". Немецкие дворяне до 1860 г. и не задумывались о какой-то реформе, наподобие принятой. Борьба крестьян за право на передвижение заставила правительство взяться за реформу. Дворяне дважды вынужденно совершали отступательный маневр. Сначала, когда отказались от открытого противодействия реформе вообще. Вторично, уже в ходе обсуждения проекта. Последние уступки пришлись на весну-лето 1863 г. и по времени почти совпали с другим и еще более важным актом отступления по вопросу о продаже усадеб крестьянам. Такое совпадение закономерно, ибо обе реформы имеют один и тот же знаменатель - бурный разлив крестьянского движения в Прибалтийском крае и революционные выступления масс в непосредственном соседстве с ним.

1 ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. 11, 1863 г., д. 14, лл. 97-99.

2 Там же, лл. 100-123.

3 Там же, ф. 1284, оп. 54, 1860 г., д. 76, л. 353.

Только этим объяснимо относительно слабое на заключительном этапе противодействие дворян поправкам, которые они вначале считали совершенно недопустимыми.

Новый закон расширил право крестьян на передвижение и облегчил выбор занятий и места жительства. Заслуживают быть названными упразднение пятипроцентного лимита и не менее тяжелого для крестьян порядка, по которому им либо под предлогом "неблагонадежности", либо, ссылаясь на недостаток работников в волости, могли отказать в паспорте или в переходе в другие общества. Закон устанавливал одинаковые условия для переселяющихся, независимо от того, переходили ли они на жительство в сельскую местность или в город, оставались ли в пределах прибалтийских губерний или покидали их.

В целом, однако, и новый закон, будучи продуктом особого положения Прибалтийского края, к явной невыгоде крестьян отличался даже от общероссийского закона, оценка которого, как ограниченной буржуазной реформы, хорошо известна. Для любого передвижения на расстояние более 30 верст требовалось, чтобы крестьянин имел паспорт. Выше, чем в центральных губерниях, был паспортный сбор. Получатель паспорта в Прибалтийском крае был обязан уплатить лежащие на нем подати вперед за весь срок действия документа, и обеспечить авансом содержание нетрудоспособных родственников. Реформа содержала и ряд других ограничений.

Между тем остзейцы, рассматривая закон как навязанную им, излишне радикальную меру, не оставляли надежд на то, чтобы при удобном случае соорудить еще больше препон для передвижения крестьян. Первым объектом их выпадов явилось допущенное законом право отлучаться без паспорта или других видов на расстояние до 30 верст от места жительства, что позволяло крестьянам уходить в близлежащую местность для дополнительного заработка. Дворян это не устраивало, и они настаивали, чтобы такие отлучки были стеснены в сроках и обставлены разного рода формальностями.

Взгляды дворян наиболее полно выразил курляндский ландтаг 1865/66 гг. В докладе крейсмаршалов решение вопроса об отлучках в пределах 30-верстной полосы характеризовалось как неудовлетворительное¹. Ландтаг предложил дополнить текст закона указанием, обязывающим каждого члена крестьянской общины для отлучки на такое расстояние иметь удостоверение личности, выданное волостным судом².

Остзейцам благоволил Валуев, а также высшее начальство края. Валуев склонился к тому, чтобы установить в качестве предела двухмесячный срок³. Генерал-губернатор Т.Ф. Баранов запугивал столичные инстанции "вредными последствиями бродяжничества"⁴. Он же, а вслед за ним и Остзейский комитет (октябрь 1866 г.) поддержали предложение курляндского ландтага⁵. Однако до царя возбужденное ими дело не дошло⁶ и изменение закона не последовало. Как бы то ни было, инициатива дворян, хотя и не реализованная, лишней раз показала крайнюю меру враждебности дворян расширению прав крестьянства.

1 Kurländische Landtags-Acten pro 1865/1866. I. Termin. Relationen, Commissionsberichte und Diarium, S. 85-86.

2 Kurländischer Landtag 1865/1866. Kurländische Landtagsakten II. Termin, S. 10, § 9 (Deliberatorium 10).

3 ЦГА СССР, ф. 1261, оп. 2, 1863 г., д. 7, л. 20-21.

4 Там же, ф. 1284, оп. 241, 1868 г., д. 61, л. 123.

5 Там же, л. 123-124.

6 "Высочайшее соизволение не было исполнено" (там же, л. 124). Установить причину нам не удалось.

ОСТЗЕЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И СРЫВ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЯХ В 60-х гг. XIX в.

Вопросы судоустройства решались в прибалтийских губерниях во второй половине XIX в. с еще большим ущемлением прав основной массы населения, чем в России. В отличие от России, где судебная реформа 20 ноября 1864 г. явилась попыткой приспособить государственно-правовую надстройку к нуждам развивавшихся капиталистических отношений, в прибалтийских губерниях суд еще добрых четверть века, вследствие противодействия остзейских дворян реформе, не претерпел почти никаких изменений.

Всеислие остзейских дворян пропитывало всю деятельность суда. Благодаря привилегии избирать и быть избранными на основные судебные должности (*wahlrecht*), имматрикулированные дворяне комплектовали из своей среды руководящий состав судебных органов и гарантировали себе общее руководство судебным делом.

Судоустройство базировалось на принципах сословного деления. В нем жестко разграничивались привилегированные и непривилегированные слои и совершенно игнорировалось требование о равенстве тяжущихся перед судом. Ни одна из прибалтийских губерний не имела единых судов, предназначенных для всех слоев населения. Правило, зафиксированное в Своде местных узаконений: дворянин судится одними равными себе¹, соблюдалось неукоснительно. Специальные суды, уполномоченные разбирать дела крестьян, также находились в полной или по крайней мере значительной (после волостной реформы 1866 г.) зависимости от дворян.

О том, с каким своекорыстием дворяне использовали свое господство в суде, немало рассказано сенатором

I Свод местных узаконений губерний остзейских, ч. II.

Н.А.Манасеиным¹. Его отчет о произведенной им ревизии в Лифляндской и Курляндской губерниях в 1882-1883 гг.² отмечал неоправданную суровость решений по делам, затрагивавшим интересы дворян, и отсутствие должного внимания к преступлениям и злоупотреблениям вотчинных властей³. Наручу тем, кто чинил произвол, служило также унаследованное от средневековья смешение судебных, полицейских и административных функций, а следовательно, и концентрация этих функций в ведении одних и тех же органов. Обращая против провинившихся крестьян всю совокупность средств, бывших в их распоряжении, суды нередко самоустраивались, когда нарушались права крестьян⁴.

Пристрастным решениям судей весьма благоприятствовало отсутствие кодифицированного законодательства о гражданском и уголовном судопроизводстве. Руководством для судей при рассмотрении ими дел служили стародавние обычаи, уставы и грамоты времен польского и шведского владычества и вконец обветшавшие формы общегерманского процесса. Унаследованной от XV-XVI вв. была и система доказательств. Разобраться во всех хитросплетениях не всегда могли даже специалисты. Между тем крестьянам до 1866 г. воспрещалось для защиты своих интересов привлекать адвокатов. К наихудшим сторонам остзейской юстиции относилось и сверххархаичное право суда подвергать телесному наказанию свидетелей из крестьян.

1 С 1885-1894 гг. - министр юстиции.

2 *Manaseina revīzija. Senatora N.Manaseina izpētuma par viņa izdarīto revīziju Vidzemes un Kurzemes guberņās no 1882. līdz 1883.gadam. Rediģējis A.Drīzulis. Rīga, 1949.*

3 *Manaseina revīzija, 137.lpp.*

4 Отчет Манасеина содержит большой материал о вопиющем произволе специальных судебно-полицейских инстанций, на которые, в частности, возлагалось предварительное следствие по уголовным делам (там же, стр.159-160).

Многоступенчатость и многочисленность судов, их раздробленность по территориальному, сословному и промышленному принципам, обремененность не относившимися к делу формальностями - все это усложняло судебный процесс и создавало условия для бесконечной волокиты. Поражающей назвал Манасеин крайнюю, граничащую "с отказом в правосудии медленность, с которой весьма часто производятся дела крестьян в суде"¹.

Вся эта веками устоявшаяся система как нельзя лучше соответствовала постоянному стремлению остзейских дворян держать массы крестьян в полной от себя зависимости. Суд как орудие классового и национального гнета верой и правдой служил своему назначению, и мало где всевластие дворян выражалось еще столь полно. Достаточно напомнить, что административные органы прибалтийских губерний, несмотря на установленный здесь "особый порядок", формировались на основе общего законодательства, в то время как конституирование судебных органов происходило на базе местных законов. Этим во многом объясняется редкая даже в практике остзейцев степень неуступчивости, с какой они сопротивлялись преобразованию суда в период буржуазных реформ в России.

Показательно, что до 29 сентября 1862 г., когда царь утвердил "Основные положения преобразования судебной части в России" и началась подготовка к реформе в масштабе всей страны, немецкие дворяне не проявляли ни малейших импульсов к преобразованию суда в крае. К бурным контрмерам, а вместе с тем и к активизации действий по вопросам суда их побудили именно "Основные положения" и особенно 8-й пункт этого документа. Им предлагалось, чтобы администрация губерний, управляемых не по общему положению, высказалась о том, I Manaseina revizija, 156. lpp. Типичны в этом отношении жалобы о незаконном сgone арендаторов.

какие уклонения от общих для империи принципов были бы желательны при реализации реформы в крае¹.

Угроза распространения на Прибалтийский край важных элементов общероссийского законодательства пришла не по нраву остзейцам. Тем более, что подобная ситуация, когда царь, еще лишь оповещая о предстоящей реформе, упомянул бы губернии с особым положением, вообще в предшествующей практике не встречалась. Пункт восьмой, писала "Rigasche Zeitung", "включает прибалтийские губернии в круг реформ, вне которого они до сих пор пребывали"². Эту же мысль содержало объяснение, данное предводителем эстляндского дворянства (Ritterschaftshauptmann) А.Паленом в 1865 г. Александру П: "Если исходными для нашей судебной реформы станут Основные положения, то этот метод могут предпочесть и при позднейших реформах"².

Строптивость остзейцев усиливало еще одно обстоятельство. Как известно, судебная реформа 20 ноября 1864 г. в России, несмотря на многие элементы ограничительного свойства, была по своей сути буржуазным преобразованием. Она отделила функции суда от административных и полицейских обязанностей, ввела суд присяжных, упростила систему судебных учреждений. Реформа декларировала, что все сословия судимы в одних и тех же судах, по одним и тем же законам, при одном и том же судопроизводстве (исключение составляли крестьянские волостные суды). В практику суда вводилась гласность, устность, обвинительный и состязательный характер процесса. При всей непоследовательности их применения принципы реформы 1864 г. отличались несколько большей радикальностью в сравнении с другими реформами 60-х гг. и

1 Эти принципы впоследствии составили основу судебной реформы 1864 г.

2 "Rigasche Zeitung", 31. Dezember 1862.

3 Цит. по: R. Stael-Holstein, Fürst Paul Lieven als Landmarschall Livlands. R., 1906, S. 126.

обладали совершенно очевидными преимуществами в сопоставлении с устоями остзейской юстиции. Немецкие дворяне это ясно сознавали и именно поэтому твердо решили не дать такой реформе утвердиться в Прибалтийском крае.

Предметом особой привязанности дворян была система выбора судей (*Wahlrecht*). В ней они видели залог своего господства в суде. Но защита *Wahlrecht* выражала не только это. Утрата привилегий в суде могла стать началом цепной реакции и повлечь за собой потерю ряда других привилегий. П. Ливен на ландтаге 1865 г. назвал эти опасения основным источником обострения вопроса о судеустройстве¹. Кроме того, признание только за узкой кастой права избирать и быть избранными на судебные должности определялось общим кредо дворян, принципиальных противников расширения прав всех других слоев населения. Отсюда и безоговорочное неприятие идеи суда присяжных, воспринятой остзейцами как передача народу права выносить приговор², что, конечно, было сверх разумения и дворян и бюргеров.

Ответ дворянства на "Основные положения" с самого начала был рассчитан на срыв намеченного преобразования. Однако в условиях подготовки к реформе в России руководители дворян не решались открыто оспаривать необходимость изменений и предпочли прямой обструкции другую тактику.

Демонстрируя минимум готовность к реформе и внушая соответствующие иллюзии в правительственных сферах, они добились, чтобы дело преобразования доверили им. Таким путем остзейские дворяне рассчитывали прежде всего избежать угрозы распространения "Основных положений" на Прибалтийский край, а затем уже, в зависимости от обстоятельств,

1 Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (далее - ЦГИА Латв.ССР), ф.214, оп.2, д.285, л.108 (сентябрь 1865 г.).

2 "Rigaasche Zeitung", 10. November 1864.

либо свести нововведения к самому минимуму, либо совсем отказаться от них. Этой линии крайней неуступчивости дворянство держалось в дальнейшем весьма последовательно¹. Сферу юстиции не затронул и поворот, происшедший в тактике дворян под сильнейшим напором "снизу" (1863 - первая половина 1865 г.), когда по аграрному вопросу остзейцы были вынуждены пойти на ряд уступок (продажа земли крестьянам, отказ от барщины и т.д.).

Решая первую часть поставленной задачи, дворянские корпорации с конца 1862 г. приступили к разработке собственных проектов. И сразу же у них объявился активный пособник в лице генерал-губернатора В.Ливена. Содействуя реализации замысла остзейцев, он в апреле 1863 г. сформировал из представителей дворян и бюргеров Центральную юридическую комиссию и поручил ей, рассмотрев предложения дворянских корпораций и городов, слить их к 1 декабря 1864 г. в один общий проект. Председательство комиссией было возложено на вице-президента курляндского обергофгерихта Говена.

Остзейцы и их покровители строго следовали намеченной ими тактической линии. Взяв в свои руки "подготовку" реформы, они стали откровенно тянуть время. С опозданием, только 10 сентября, собралась Дерптская комиссия², и тогда же стало ясно, что в намеченный срок она свою работу не завершит. Вскоре В.Ливен и на самом деле обратился к царю

¹ Расхождения с бюргерством были невелики. Ландмаршал П. Ливен неоднократно подчеркивал взаимодействие обоих сословий в вопросе о судебной реформе (см., например, его выступление на сентябрьском ландтаге 1865 г. - ЦГА Латв.ССР, ф.214, оп.2, д.285, л.313-314). Он же лестно отзывался о позиции бургомистра Риги О.Мюллера (там же, ф.4038, оп.2, д.150⁷, л.389, дневник Ливена).

² Так иногда по месту ее первоначального нахождения называли Центральную юридическую комиссию.

с просьбой продлить срок для разработки предложений до I января 1866 г.

Нехитрый маневр Ливена был разгадан. Один из противников его плана, государственный секретарь В.П.Бутков, резко критиковал Дерптскую комиссию и опекавшего ее генерал-губернатора за преднамеренную задержку. Он ставил под сомнение целесообразность существования комиссии и требовал, чтобы Ливен, по крайней мере, поскольку комиссия все же начала действовать, представил ответ в намеченный ранее срок, т.е. к I декабря¹.

Однако у острейцев нашлись могучие заступники - Александр II и П.А.Валуев. Подобно всей консервативной части правительства, царь и министр весьма холодно относились к судебной реформе, подготовленной в России, считали ее излишне радикальной и поэтому в душе симпатизировали оппозиционности немецких дворян.

Александр II предложил рассмотреть вопрос в Совете министров и благословил Валуева на выступление против Буткова. Успех Валуева был полным. Совет министров своим решением продлил срок подготовки ответа комиссии и признал право немецких сословий на самостоятельную разработку проекта².

1 Центральный государственный исторический архив СССР (далее - ЦГИА СССР), ф.1275, оп.1, д.59, л.4-5.

2 Там же, лл.7, 10, 13; там же, ф.908, оп.2, д.43, лл.67-78 (О сроке представления прибалтийским генерал-губернатором своих соображений относительно применения по вверенному ему краю общих начал преобразования судебной части); также Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Редакция, введение, биографический очерк и комментарии проф. П.А.Зайончковского. М., 1961, т.1, стр.301-302, 358, 420.

Достигнув главного, чего они добивались на первом этапе протivoдействия реформе, остзейские дворяне приступили к решению второй и более сложной части поставленной ими задачи. Уверенные в том, что инициатива теперь полностью принадлежит им, они, продолжая еще временно начатую игру в подготовку реформы, фактически нацелились уже на полный срыв преобразования.

Остзейцам и в этом их намерении сопутствовала удача, хотя пришла она и не совсем сразу. В момент, когда судебная реформа 1864 г. в России только-только стала осуществляться, даже величайшие из столичных благожелателей немецких дворян не посмели прямо потворствовать саботажу реформы в прибалтийских губерниях. К тому, чтобы усомниться в правильности курса, нацеленного на полный отказ от реформы, правительственные круги побуждало в то время и обстоятельство более широкого плана - общие расхождения с остзейскими "верхами" по вопросу о мере уступок, сохранявших свою силу до осени 1865 г. Растревоженные размахом движения крестьян, правительственные круги искали выход в частных реформах. Эту свою программу они распространяли и на сферу востания, считая нужным и здесь что-то изменить.

В числе тех, кто еще в конце 1864 г. не считал возможным полностью отказаться от преобразования суда, был и самый вернейший заступник остзейцев Валуев. В пространном отношении В. Ливену / 19 ноября /, бывшем плодом первых раздумий министра в связи с "большой петицией" эстонских крестьян¹, главное место занимали признания о недопустимо

1 Врученная в ноябре 1864 г. от имени крестьян 24 волостей эстонской части Лифляндской губернии "большая петиция" содержала требования по многим кардинальным вопросам жизни Прибалтийского края. Подробнее: Х.Х. Круус. Петиционная кампания эстонских крестьян в 60-х годах XIX в. - Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е.В. Тарле, М., 1957, стр. 494 - 514.

ооьшой мере бесправия крестьян перед судом и предложени-
ния усилить в составе крестьянских судов коренной элемент¹.
Подробно рассмотрев, какие инстанции принимают жалобы во
всех трех губерниях, Валуев пояснял, что крестьяне пред-
почитают обратиться "к высшим властям, помимо местных
крестьянских судов, будто бы не вполне беспристрастных,
вследствие их одностороннего состава и преобладания в них
элемента землевладельцев без всякого прямого участия пред-
ставителей правительства"².

К числу не совсем согласных с остзейским дворянством
пониначу принадлежал и такой представитель крепостнически
настроенных "верхов" России, как П.А.Шувалов, в январе
1865 г. сменивший на посту прибалтийского генерал-губерна-
тора Ливена.

Находясь в первое время после прибытия в Ригу под
сильным влиянием острых выступлений прибалтийских крестьян
и намереваясь рядом небольших уступок "приоткрыть клапан",
Шувалов в феврале 1865 г. высказался и за реорганизацию
суда. В письме Валуеву он признал обязательным отменить
wahlrecht и сделать правилом назначение судей правительст-
венными органами. Такая реформа, писал Шувалов, "...очень
необходима. Отложить ее было бы несчастьем. Необходимо ре-
ализовать реформу даже вопреки недовольству дворянства"³.

Шувалов предвидел трудности. Он знал настроения немецких
дворян и предупреждал министра о наличии очень сильной
оппозиции его предложению. Остзейцы, писал Шувалов, видят
I ЦГА ССРСР, ф. 1284, оп. 55, 1864 г., д. 66, лл. 10-21. Обоснова-

ность этих признаний отметил в своем ответе и Ливен:

"Крестьяне, - писал он 29 ноября, - без предварительно-
го утверждения со стороны помещиков вообще не могут за-
нимать какой бы то ни было судейской должности (там же,
л. 65).

2 Там же, л. 16.

3 Там же, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 48 (письмо от 5 марта 1865 г.).

в них что-то чудовидное и противятся им, пользуясь средством, многократно оправдавшим себя. "Вы знаете также, - указывалось в письме, - что когда они не хотят какой-нибудь реформы, они действуют по одной системе, которая им часто удавалась, длительно заниматься одним вопросом и в конце концов не принимать предложения правительства"¹.

Можно было бы бесконечно поражаться долготерпению правительства, способности лиц, представлявших его, оставлять без внимания пренебрежительное отношение остзейских дворян к распоряжениям "свыше", если не знать, что такую линию поведения власть имевшим диктовали классовые интересы консервативно настроенных групп русского общества, к которым, за редчайшими исключениями принадлежали и они сами. В колебаниях между предпринимаемыми время от времени попытками внести изменения в систему управления прибалтийскими губерниями и твердым намерением сохранить главные начала их социально-экономического строя верх, как правило, брала консервативно-олигархическая точка зрения. Общность интересов русских и прибалтийских защитников старых устоев всегда оказывалась весомой, нежели шероховатости в отношениях между ними. Союз самодержавия с немецким дворянством действовал постоянно, трения - были явлением временным².

Эта закономерность проявила себя и в 60-х гг., когда расхождения в вопросе о мере уступок стали (со второй половины 1865 г.) постепенно все более стираться. Самым непосредственным образом это сказалось и в вопросе о судебной реформе, где с осени 1865 г. вся группировка наиболее влиятельных покровителей остзейцев уже практически не

1 ЦГАИ СССР, ф. 908, оп. I, д. 672, л. 48 (письмо от 5 марта 1865 г.)

2 Подробнее о взаимоотношениях крепостнически настроенных "верхов" России и остзейских дворян М. М. Духанов. Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970, стр. 20-32, 136-157.

препятствовала реализации тактической линии немецких дворян. Шувалов, еще с полгода назад осуждавший *wahlrecht*, теперь выступал рьяным поборником этого института. "Почему, - писал он 10 октября 1865 г. Валуеву, - не сохранить то, что великолепно"¹.

Остзейцы не преминули использовать благоприятствовавшие им обстоятельства. Ослабление напора "снизу" и обусловленное им отсутствие нажима "сверху" давало немецким дворянам основания рассчитывать на реализацию последней части задуманного плана. Осенью 1865 г. они развернули решительное наступление.

Первым выступил лифляндский ландтаг (сентябрь 1865 г.) Категорически противясь любому компромиссу, ландтаг утвердил текст петиции царю, в которой говорилось: "Провинциальное право должно быть признано несомненной основой и исходной точкой при обсуждении реформы суда в Остзейских губерниях; право выбора и представления кандидатов в эти суды необходимо в этих губерниях сохранить и признать, что Основные положения не являются для них обязательными"². С аналогичными петициями к царю, по примеру лифляндского ландтага, обратились ландтаги других губерний. Вся эта комбинированная акция проводилась при полной поддержке Шувалова.

В октябре 1865 г. в Петербурге вслед за своей петицией появились предводители дворянства всех трех губерний³, и сразу же начались традиционные в таких случаях визиты. Ландмаршал Ливен посетил Валуева, С.А. Долгорукова, М.А. Корфа, А.А. Суворова, А.М. Горчакова, 18 октября он был

1 ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 63.

2 ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 285, л. 112.

3 "Для войны" против судебной реформы прибыл также Мюллер (Государственная библиотека Латвийской ССР им. В. Лациса, отдел рукописей, ф. III, оп. 3, д. 18, л. 191, письмо Г. Берггольца В. Гену).

"милостиво принят" Александром П¹.

После Ливена царь принял Палена, а затем предводителя курляндских дворян (Landesbevollmächtigte) К.Рекке. Под влиянием всех трех, а также активно воздействовавшего на него Валуева Александр П начал понемногу склоняться к точке зрения остзейцев. Первая беседа (с Ливеном) еще свидетельствовала о колебаниях царя². Встречи с Паленом и Рекке обнаружили заметные сдвиги. Царь признал правомерность *Wahlrecht* и согласился с тем, чтобы порядок законодательства и впредь базировался на местном праве³. С целью предотвратить всегда нежелательную для немецких дворян дискуссию в Государственном совете, Александр П передал вопрос в комитет, учрежденный для введения судебных преобразований. В целом, итог петиции, как признал Валуев, оказался крайне удачным. "Его величество, - сообщил министр П.Ливену, - отнесся к предмету просьб дворянства с благосклонной внимательностью и распорядился упомянутые бумаги (петиции. - М.Д.) передать на рассмотрение генерал-губернатору"⁴.

Достигнутый результат можно действительно оценить как максимальный. Передача дальнейшей подготовки вопроса Шувалову гарантировала исполнение общего плана остзейских дворян. Ливен позднее, не без самодовольства отметил на ландтаге (март 1866 г.), что "самостоятельные проекты генерал-губернатора представляют собой по существу итог работы

1 Так охарактеризовал оказанный ему прием Ливен в отчете дворянскому конвенту (ЦГИА Латв.ССР, ф.214, оп.2, д.286, л.113).

2 ЦГИА Латв.ССР, ф.4038, оп.2, д.1507, л.354.

3 R.Stael-Holstein. Fürst Paul Liven..., S.126, 130.

4 ЦГИА Латв.ССР, ф.214, оп.2, д.286, л.113 (отчет П.Ливена дворянскому конвенту).

словий"¹. Согласие с предложением Шувалова сохранить важнейшие особенности местных институтов зафиксировал и Валуев. Его помета на представлении генерал-губернатора гласила: "Главные мысли могут быть приняты"².

Комитет для введения судебных преобразований рассмотрел предложения Шувалова 22 декабря 1865 г. Комитет признал Основные положения обязательными для Прибалтийского края, но, объявив исходной базой реформы местные установления³, лишил такое признание всякого значения. Действительный смысл позиции комитета состоял в поддержке, оказанной его большинством принципу *wahlrecht*⁴, а также в отказе проводить дело в Государственный совет⁵. Решение комитета было закреплено резолюцией царя⁶, а практические меры по его реализации опять возложены на Шувалова. Усердие генерал-губернатора после 22 декабря росло все более. По свидетельству Ливена, Шувалов, расписывая царю преимущества *wahlrecht*, особенно подчеркивал его роль как единственной альтернативы демократическим методам передачи политических прав всему населению⁷.

Чувствуя, что обстановка в "верхах" складывается в их пользу, остзейцы все меньше маскировались. Ливен на приеме у царя (февраль 1866 г.), излив в очередной раз целый поток жалоб на врагов остзейской юстиции, похвалялся перед Александром II своей осмотрительностью в отношении реформы⁸ и, убедившись в согласии царя с такой линией, с уверенностью доложил об этом ландтату⁹.

1 ЦГИА Латв.ССР, ф. 214, оп. 2, д. 285, л. 119.

2 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 239, л. 23.

3 Там же, л. 72-73.

4 Там же, л. 73-74.

5 ЦГИА Латв.ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 150⁷, л. 422.

6 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 239, л. 51.

7 ЦГИА Латв.ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 150⁷, л. 443.

8 Там же, ф. 214, оп. 2, д. 285, л. 124.

9 Там же, лл. 120, 315-316.

Здесь же, на мартовском ландтаге 1866 г. Ливен и в целом положительно оценил итог действий; предпринятых дворянством, с целью сорвать реформу¹. Он говорил об оправдавшей себя идее взять инициативу в свои руки, благодаря чему дворяне, "не принеся в жертву ни одного из своих прав, приобрели оружие для защиты своего правового положения с более удобных позиций"².

Новые условия позволяли по-новому ставить задачи, и Ливен обосновал их перед ландтагом. "Теперь, - указывал ландмаршал, - когда ситуация очень изменилась, необходимо прежде всего обеспечить полное признание нашего участия и нашей правовой точки зрения (*Rechtsstandpunkt*) в преобразовании юстиции и добиться недвусмысленного и выгодного для нас ответа на вопрос, останется ли в наших губерниях наша юстиция"³. Установка ландмаршала, хотя она и формулировалась замысловато, выражала бесповоротное намерение в системе судоустройства ничего не менять.

Удовлетворенность по поводу подобного исхода разделяли все представители остзейского либерализма. Редактор "*Baltische Monatschrift*" Г. Беркгольц еще в 1864 г. предупреждал неосуществимость судебной реформы как меры неприменимой, ввиду недостаточной зрелости широких масс⁴. В 1866 г. он вновь оппонировал идее преобразования суда. Изобретательный на выдумку доводов, пригодных для того, чтобы отложить в долгий ящик любую мало-мальски прогрессивную меру, Беркгольц выдвинул тезис о необходимости сначала преобразовать отдельные элементы управления губерниями (*Provinzialverfassung*) и лишь затем взяться за судоустройство.

1 ЦГА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 285, л. 120.

2 Там же, л. 315-316.

3 Там же, л. 315.

4 (G. Berkholtz). Pro ordine civico. - "*Baltische Monatschrift*" 1864, Bd. 9, S. 271.

"...солированное форсирование реформы юстиции без одновременной модификации управления губерниями, - утверждал он, - это совершенно невозможная вещь"¹.

Очень кстати для противников реформы пришелся резкий поворот к реакции в России весной 1866 г. Крепостнические элементы, решив взять реванш за многие из вынужденных уступок предшествовавшего пятилетия, усилили свои выпады и против судебной реформы. В таких условиях немецким дворянам удалось без особого труда закрепиться на рубежах, завоеванных еще в пору проведения буржуазных реформ и ограничить преобразование судеустройства двумя изменениями, реализованными в первой половине 1866 г. Одно из них являлось частью волостной реформы и касалось волостных судов². Другое позволяло крестьянам использовать для защиты своих интересов адвокатов³. Со второй половины 1866 г. правительственные круги совершенно утратили интерес к разработке проекта судебной реформы. Остатейцы этого только и ждали. Продолжая еще некоторое время для вида дорабатывать свои предложения, они ничего нового в них так и не внесли. Представленный ими проект не мог сойти даже за подобие реформы. В конце концов он осел в одной из столичных канцелярий.

Отдельные попытки преобразования суда в Прибалтийском крае, предпринятые правительством после 1866 г., касались лишь частных аспектов и полностью игнорировали потребность всесторонней реформы. Тем не менее и эти попытки неизменно терпели крах, вследствие противодействия немецких сословий. Такой, например, была судьба предложений генерал-губернатора П.П.Альбединского о нижних судебных учреждениях и вве-

1 (G.Berkholz). Justizreform und Provinzialverfassung. -

"Baltische Monatschrift", 1866, Bd. 14, S. 151.

2 И ПСЗ, т. 41, № 43034, 19 февраля 1866 г.

3 Там же, № 43485, 11 июня 1866 г.

дении в них мирового разбирательства. Разработанные в силу повеления царя от 23 февраля 1867 г., они предполагали отмену особых судов для крестьян. Убедая столичные "верхи" в целесообразности такой меры, Альбединоский в записке о преобразовании судебной части особенно упирал на ожидание реформы массами. Он говорил о недоверии коренного населения к местным учреждениям и уверял, будто проектируемое им преобразование обеспечит нужный порядок и парализует подстрекателей¹.

Бесправие и произвол, чинимые судом прибалтийских губерний, архаическое судебное разбирательство лежали ярмом на массе непривилегированного населения и вызывали его резкое недовольство. Устройство суда, содержавшее и в русских губерниях весьма существенные недостатки, при сопоставлении с его состоянием в Прибалтике, предстало куда более привлекательным. Мандармский офицер Лифляндской губернии Андреянов сообщал в 1869 г., что население "... с нетерпением ждет преобразования судебной части, "русского суда", как выражается простой народ"². Мысль эта, писал он годом позднее, "сильно занимает умы крестьян, служа предметом постоянных разговоров их"³.

Не лишена интереса и позиция младолатышей. Основной порок судоустройства прибалтийских губерний они усматривали в господствующем положении немецких сословий. Как отмечалось в меморандуме К. Валдемара, представленном на имя министра народного просвещения А. В. Головнина, "бедному, необразованному и глубоко презираемому крестьянину противостоит противник, опорой которому служит не только богатство и образование, но и сословные и корпоративные предрассудки судьи"⁴. Младолатыши выступали за суд присяжных,

1 ЦГИА СССР, ф. 1016, оп. 1, д. 964, л. 21-22.

2 Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 109, оп. 209, д. 265, л. 69.

3 Там же, оп. 210, д. 210, л. 24.

4 Latvijas vēstures avoti. 5. sēj. Dokumenti par tautas atmodas laikmetu 1856.-1867. g. Rīgā, 1939, 183. lpp.

назначение на должность судей лиц с высшим юридическим образованием, гласность процесса и т.п.¹.

Среди многочисленных жалоб на остзейский суд² выделяется прошение о введении судебной реформы и земских учреждений, представленное царю в 1870 г. от имени старост 52 волостей. Его лейтмотив можно усмотреть в следующих словах: "Дела нашей родины находятся в заведывании чуждого нам дворянского феодального сословия"³.

К этому времени в стадии разработки находилось предложение Александра II от 24 апреля 1869 г., предусматривавшее ввести в прибалтийских губерниях мировое разбирательство и применить к общим судебным местам этого края ряд облегчительных правил. Как и предыдущие начинания администрации, это предложение не претендовало на масштабность. Тем не менее понадобилось целых пять лет, прежде чем министр юстиции К.М.Пален внес соответствующий проект на рассмотрение Государственного совета⁴. Еще через 6 лет, 28 мая 1880 г. проект был утвержден. Однако и настоятельное требование Государственного совета безотлагательно ввести его в действие оказалось бессильным.

Судебная реформа в Прибалтийском крае последовала лишь 9 июля 1889 г., на 25 лет позднее, чем осуществилось преобразование суда в центральных губерниях. Ее содержание изложено в утвержденном Александром III Положении о преобразовании судебной части в Прибалтийских губерниях и правилах

1 "Pēterburgas Avīzes", 1863.g., N 1,3,19.

2 Многие сведения приводят исследователи аграрной истории (см. А.Миериņa. Agrārās attiecības un zemleku stāvoklis Kurzemē 19.ga. II рив. R., 1968, 223.-224. лр.).

3 ЦГА СССР, ф.1282, оп.2, д.243, л.2.

4 Там же, ф.1016, оп.1, д.187, доклад Палена. Александр II предвидел что реализация этой меры встретит противодействие немецких сословий края (ЦГА СССР, ф.766, оп.1, д.2, л.68, изложение беседы Александра II с Паленом).

об изменении состава и предметов ведомства крестьянских присутственных мест Прибалтийских губерний¹. Годом ранее, 9 июня 1888 г., в прибалтийских губерниях была преобразована и полиция².

В целом реформа 1889 г. заимствовала порядок судеустройства, установленный в центральных губерниях, и по своему характеру являлась буржуазным преобразованием. Множество старых судебных инстанций прибалтийских губерний, в том числе и некоторые из сословных, были упразднены (ландгерихты, гофгерихт с его отделением по части крестьянских дел, гауптманские суды, обергофгерихт, магистратские и нижние городские суды, фогтгерихт, ландфогтгерихт, сиротский суд и целый ряд коммерческих судов).

В каждой из прибалтийских губерний учреждались общие для всех сословий суды. Исключение, подобно центральным губерниям, составляли специальные суды для крестьян (волостные и верхние крестьянские). Высший надзор за крестьянскими делами осуществляли съезды мировых судей.

Реформу 1889 г. от установлений, действовавших в центральных губерниях, отличали и некоторые особенности. Причем, во всех случаях они шли вразрез с интересами основной массы населения. Так в окружных судах Прибалтийского края не был введен институт присяжных. Мировые судьи в прибалтийских губерниях не избирались, а назначались министром юстиции по предложению губернатора. Для того, чтобы занять должность мирового судьи, требовалось, помимо

1 Ш ПСЗ, т. 9, № 6188.

2 Ш ПСЗ, т. 8, № 5308. Содержание этих преобразований рассмотрено: История Латвийской ССР. Под редакцией К. Я. Страудня, Я. Я. Зутиса, Я. П. Крастыня, Д. А. Дризула, т. П. Рига, 1954, стр. 144-148; П. А. Зайончковский. Судебные и административные преобразования в Прибалтике. - Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX-XX веков. Д., 1972, стр. 34-47; V. Kalniņš. Latvijas PSR valsts un tiesību vēsture. I. d., R., 1972., 291.-295. lpp.

данных цензов, предусмотренных реформой 1864 г., обязательно быть владельцем дворянской вотчины в одной из губерний Прибалтийского края или собственником участка земли площадью не менее трехсот десятин. Судьи назначались пожизненно. Таким образом устранялся и тот минимальный контроль за их деятельностью, который осуществляли земские общества центральных губерний.

Крайнюю недостаточность принятых мер ощущало огромное большинство населения. Не случайно рабочий класс и крестьянство, руководимые революционной социал-демократией, рассматривали в период революции 1905 г. как одну из первоочередных задач создание революционных судов взамен старых, ненавистных широким массам органов суда¹.

х х
х

В истории несбывшейся вплоть до конца 80-х гг. судебной реформы много общего с происхождением буржуазных реформ, осуществленных в Прибалтийском крае в 60-х гг. Толчок к разработке судебной реформы дала революционная ситуация и сопутствовавший ей кризис правительственной политики. Предельно напуганные общей обстановкой в стране и, в частности, размахом крестьянского движения в Прибалтике, представители крепостнического крыла правительства рассчитывали мелкими подачками добиться "умиротворения". Степень несогласия между петербургскими и остзейскими "верхами" была невелика, но как показатель сверхреакционности остзейцев она заслуживает быть отмеченной. Закономерен и финал: непродолжительность трений и полное со второй половины 60-х гг. единство по вопросу об уступках в лагере союзников - царского самодержавия и немецких баронов, коалиции злейших врагов латышского и эстонского народов.

1 Подробно: Э.Я.Стумбина. Революционные суды в Латвии в 1905 и 1917 годах. Рига, 1971.

С о д е р ж а н и е

П. Крупников.	Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике /1907-1939/ . . .	3
И. Зелмене.	На страже революционных интересов народа /Борьба газеты "Диенас Лапа" против идеологии и пропаганды остзейцев в 1905 году /	22
Л. Дума.	Латышские революционные социал-демократы в Германии	36
Я. Райд.	Об одном опорном пункте империалистического "остфоршунга" в буржуазной Эстонии	50
М. Духанов.	Остзейское дворянство и закон 9 июля 1863 г.	65
М. Духанов.	Остзейское дворянство и срыв судебной реформы в прибалтийских губерниях в 60-х гг. XIX в.	80

Ученые записки, том 185

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА

II

Редактор К. Почс
Технический редактор К. Даукште
Корректор П. Озолинь

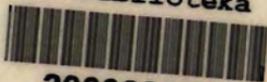
Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1973

Подписано к печати 22.05.1973 ЯТ 19312 Зак. № 487.
Ф/б 60x84/16. Бумага №1. Физ.п.л. 6,5. Уч.-и.л. 4,8
Тираж 500 экз. Цена 30 коп.

Отпечатано на роталпринте, Рига-50, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

32900

LU bibliotēka

200023650

85

87

87

87 87

Цена 30 коп.

PT-75

185

A handwritten signature in blue ink is written over a redacted area. The signature consists of several loops and a long horizontal stroke. The redacted area is a solid red rectangle.

Учен. зап. (ЛГУ им.Петра Стучки), 1973, т.185, I-99.